

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

ЛАВИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ

ДНИ НА КУБАНИ

1920-й год.

* * *

БРОШЮРА № 7.

НЬЮ ИОРК - 1963 г.

* * *

ЛАБИНЦЫ

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.

1920-й год.

/ брошюра № 7-й /

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. Поощрения Атамана Букретова. В 1-м Черноморском полку. Полковник И.И. Тарарыкин.
2. Войсковой Старшина Логвинов, как один парадокс....
3. Обед с дамой....
4. Две дивизии в одну. Генерал Арпсгофен.
5. Генерал Коля Бабиев.
6. Мы идем в Грузию....
7. Награждения в полку. Ненужная шепетильность.
8. Черкесская Земля.
9. Пулеметы есаула Сапунова.
10. Корниловцы и Лабинцы.
11. Визит генералов Науменко и Бабиева.
12. О пять отход....
13. В штабе корпуса. Новость... Генерал Хоранов.
14. Уход генерала Бабиева.
15. Учебный конный дивизион. Попатин и Мальчевский.
16. У Корниловцев. Полковник Лиманский.
17. Встреча с полковником Дейнега. Его мысли.
18. Оставление СОЧИ.
19. Генерал Морозов. Его штаб.
20. У Корниловцев на позиции. Безладнов, Марков, Ростовцев.
21. Штаб 2-й Кубанской дивизии. Полковник Гришин.
22. Опять в своем полку.
23. В штабе Войска. "Военный Совет"... Кто и что на нем говор...
24. Жуткие минуты перед своим 1-м Лабинским полком.../рил.
25. Карта - "Последний путь Кубанской Армии"...
26. План комнаты и стола, где происходило заседание "военного совета" 18 апреля 1920 года в Адлере.

- . -

Следующий номер, как законченный труд, будет озаглавлен: - "Агония Кубанской Армии", которую, в тяжких душевных муках, переживали офицеры и казаки еще несколько дней на Черноморском побережье, оставленные своими старшими начальниками. Как переживший лично - опишу подробно.

Полковник Елисеев.

- . -

Цена брошюры - 1 дол. Выписывать по адресу:

M. r. Th. Elyseev, 502 W. 177 St. Apt. 1 C, New York 33, N. Y.

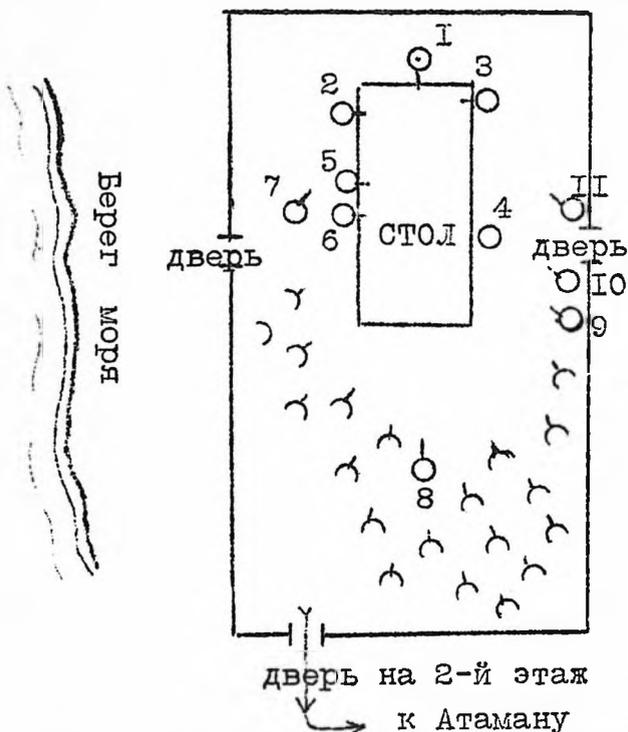
Комната и стол заседания "воинского совета" под председательством Атамана Букретова, 18 апреля 1920 г. в Адлере.

М Е С Т А :

I. Атаман ген. Букретов. 2. Ген. Шифнер-Маркевич. 3. Полковник Дрейлинг. 4. Генер. Сидоренко. 5. Генер. Секретев. 6. Генер. Голубинцев. 7. Белашев, член правительства. 8. Полковник Певнев. 9. Полковник Соломахин. 10. Полковник Елисеев. II. Войск. Старшина Мальцев.

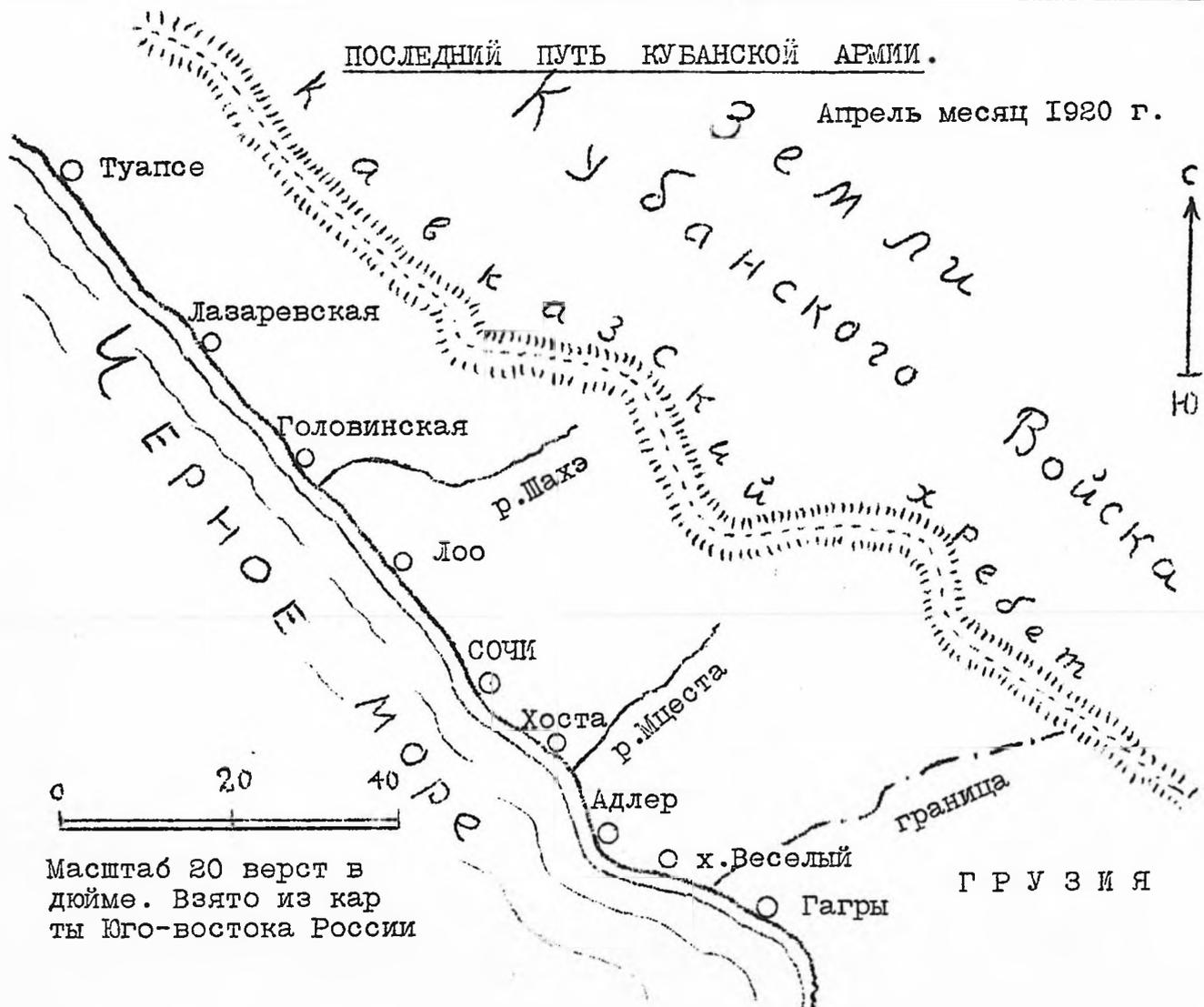
Все остальные штаб-офицеры стояли густою толпою в углу, от Соломахина чуть впереди и позади Певнева, фамилии коих я не знал.

Ф. Елисеев.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ КУБАНСКОЙ АРМИИ.

Апрель месяц 1920 г.

Масштаб 20 верст в дюйме. Взято из карты Юго-востока России

ЛАБИНЦЫ

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.

1920-й год.

/ брошюра № 7-й /.

ПОЩЕНИЕ ОТ АТАМАНА БУКРЕТОВА, В 1-м ЧЕРНОМОРСКОМ ПОЛКУ. ПОЛКОВНИК И.И. ТАРАРЬВИН.

Еще до оставления Гойтсхаго перевала - получена циркулярная телефонограмма от командира корпуса генерала Науменка следующего содержания:

"В полках - представить для производства в первый офицерский чин хорунжаго достойных подхорунжих, вахмистров и урядников, не стесняясь в количестве, приблизительно 10-15 человек на полк."

Такая щедрость меня удивила. Собрав своих помощников и командиров сотен - прочитал телефонограмму и запросил их - "Есть-ли подходящие урядники для получения офицерского чина?"

Все командиры сотен сами из бывших урядников. Они замялись и докладывают, что все урядники отличные боевые начальники, но для производства в офицеры их - не знают - как быть?... Да и до производства-ли теперь, в такое время?...

Явился к генералу Науменко и доложил - и свое мнение и сотенных командиров.

"Атаман Букретов, после соединения со своими корпусами, что-бы завоевать к себе симпатию Армии - решил сделать этот щедрый жест. Его поддержали командиры корпусов, вот почему и сделано такое распоряжение", услышал я от генерала Науменко.

"Ваш 1-й Лабинский полк самый сильный в корпусе и Вы, Елисеев, можете представить человек 20-25", закончил он.

Вновь собрал сотенных командиров и, совместно, едва набрали по два урядника от каждой сотни и пулеметной команды. Представлен был в хорунжие Знаменный урядник и из команды ординарцев подхорунжий Трофим Науменко, казак станицы Терновской, "мой учебнянин". Последний дорого заплатит при допросе красных за этот свой офицерский чин...

- * -

Вернувшись из Сочи "после сбора полков дивизии" - на второй день являюсь к командиру корпуса, генералу Науменко, с докладом - "что мною сделано".

Науменко до сих пор не успокоился по адресу полковника С.С. Жукова и досадливо говорит: - "Ну и шл. па-же этот Жуков!... так в один бой растрепать дивизию!". Я с ним был вполне согласен.

Он приглашает меня проехать в 1-й Черноморский полк. "Вы знаете - я назначил командиром этого полка Вашего друга, полковника Тарарьвина. Он, правда, из урядников, но на меня произвел хорошее впечатление", добавляет.

Мы в Черноморском полку. "Мой Ваню" /так я его всегда называл полковника Иван Иосифовича Тарарыкина, казака станицы Келермесской Майкопского Отдела/ - в коричневой бикирке, подтянут. Он в чевяках, при дорогом кавказском оружии, с офицерским Георгиевским крестом на груди и с Георгиевским темляком на эфесе шашки. Весь его внешний вид очень импозантный. Светлый блондин, чисто выбрит и без усов - он выглядел молодо. Тогда ему было около 30-ти лет от роду.

Его полковой бивак чисто вычищен и выметен. Науменко внимательно рассматривая все - говорит мне, идущему с ним рядом:

"Смотрите Елисеев, как Тарарыкин навел порядок. А не то, что эта старая шл.па полковник Кононежко!" /Кононенко старый офицер 1-го Екатеринодарского полка. В 1910-м году он был в чине старарго под, есаула, Ф.Е./

Нас здесь, в полку Тарарыкина, при генерале Науменко, человек десять старших офицеров всего крпуса. С нами и генерал Хоранов, который очень много говорит и совершенно "своеволен" со своим командиром крпуса, т.к. они оба равные в чине - оба генерал-майоры. Но Полковник Тарарыкин держится в стороне от нас, словно боясь вступить в общий разговор. Науменко призывает его к себе и весело, чуть с упреком, или с удивлением, говорит: - "Что Вы прячетесь, полковник?... Я осматриваю расположение Вашего полка, а Вы где-то там позади стоите!"

"Мой Ваню" выдвигается вперед. Он стоит перед Науменко держа руки "пошам" и на все вопросы генерала отвечает только лаконически:

"Никак нет, Ваше Превосходительство...."

"Так точно, Ваше Превосходительство...."

Видя и слыша это - я сразу-же определил, что Ваню нехочится "не в своей тарелке". Вижу, что и генерал Науменко, как-то, этим недоволен, т.к. перед ним стоял не командир полка, который может, и должен, доложить и рассказать и доказать что надо, а стоял очень хороший расторопный и исполнительный урядник.

- * -

Осмотр расположения полка окончен. Ваню отзывает меня в сторону и спрашивает - сколько урядников от 1-го Лабинского полка я представил для производства в офицеры? И Услышав цифру 16 - удивился. И запальчиво добавил:

"А я нарочно их "напек" много?... По крайней мере они будут меня слушаться!... Я им дал офицерский чин, поставил на должность офицеров и требую от них службы и исполнения моих приказаний "как от урядников"....

К тому-же - они не будут думать о мире с красными, т.к. теперь и они офицеры" - добавил он и тут-же некрасиво выругался чисто по-солдатски.

Такое рассуждение, а в особенности "о мире" - меня больше чем удивило. "Что-бы они не думали о мире" - такую фразу произнес мне и генерал Науменко, когда я подчеркнул ему "о ненужной щедрости Атамана Букретова".

Такую щедростью, думаю, Атаманом Букретовым тогда в Кубанской армии было произведено в чин хорунжаго до 500 урядников, беря во внимание все роды оружия, но.... не пройдет и одного месяца времени, - как все эти новые офицеры, в составе всей Кубанской армии, будут оставлены на том-же Черноморском побережье, и теми старшими начальниками, кто их представлял в офицеры и самим Атаманом Букретовым....

И никто из этих новых офицеров в 1-м Лабинском полку не одел офицерских погон, т.к. их не было, как и жили они вместе со своими взводами казаков, коими командовали раньше, будучи урядниками. Мы все были ободраны в обмундировании и им было "не до офицерских погон" тогда.... Поплатятся потом они перед красными за свой офицерский чин....

ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА ЛОГВИНОВ, КАК ОДИН ПАРАДОКС...

После осмотра 1-го Черноморского полка - генерал Науменко, обращаясь ко мне, вдруг говорит, глядя на меня испытывающе:

"Полковник... я хочу Вам дать в 1-й Лабинский полк еще одного штаб-офицера."

"Кто он таков?" - спрашиваю.

"Войсковой Старшина Логвинов" - отвечает, остро смотря мне в глаза.

"Он из моего штаба... как штаб-офицер - ему теперь в штабе делать нечего"

"Нет, ненадо, Ваше Превосходительство. Вы разве забыли его случай со мною в Филиппинском хуторе?" - докладываю.

"Нет не забыл... Но он, ведь, извинился перед Вами", говорит Науменко.

"Право, он хороший офицер. Он тяжело ранен в голову, а если на него, иногда, что находит" - то Вы сможете, сумеете, его остановить. К тому же, он сам хочет к Вам, в 4-й Лабинский полк" - уговаривает он меня.

Я уважал генерала Науменко, не хотел его огорчать и согласился.

Логвинов - сын офицера, бывший кадет и окончил сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге в июле 1914 года, т.е. - накануне войны. О нем я слышал еще в своем 1-м Кавказском полку в Турции от его сверстников, что он тяжело был ранен в голову и у него иногда бывает "заскок", несдержанность. Было же дело так:

В Филиппинском хуторе я прибыл в штаб корпуса по делам службы и в передней комнате вижу его, в чине есаула. На мое обращение доложить генералу Науменко - он, не встав со стула, небрежно бросил мне:

"Генерал занят"...

"Я Вас прошу, есаул, доложить командиру корпуса обо мне... и потом, когда к Вам обращается штаб-офицер - надо встать" - говорю ему.

"Ну-у... Вас много таких будет?" вдруг отвечает он, продолжая сидеть на стуле.

"Что Вы сказали?... Да встать!" - крикнул я на него. Он встал нехотя и не приняв положенную военную стойку.

Быстро открылась дверь и в ней показался генерал Науменко, удивленно спрашивая меня: - "Что случилось, Емисев?". Я доложил - "что, именно, случилось".

Науменко горячо "напустился" на Логвинова. Тот немедленно же "вытнулся смирно". Генерал подчеркнул, что его обязанность состоит именно в том, что бы исполнять разные поручения. Пришел начальник дивизии по службе, он в чине полковника, и Вы так ему ответили?!" - очень строго, внушительно, ясно, коротко и определенно подчеркнул ему генерал Науменко и заставил тут же извиниться передо мною. Логвинов был смущен, извинился. И теперь, месяц спустя - даю его в мой полк. И только из чувства уважения к генералу Науменко - я согласился на это.

Логвинов представился мне хорошо. Еще раз извинился и добавил, что у него - "как результат тяжелого ранения в голову" и что он иногда говорит то, что и сам не знает.

Я обласкал его и назначил командиром 1-й сотни. О Логвинове я написал потому, что при гибели Кубанской армии, он совершит один положительный жест и останется с казаками.

О Б Е Д С Д А М О Ю

Штаб корпуса проходит нашу дивизию. Науменко заехал ко мне. Я предлагаю ему победить у нас, что Бог послал"... Он согласился.

Надюша - моя хозяйка. Умною женскою рукою она сервировала "что могла". Науменко шутит с нею и называет ее "казаченком". Надюша с бритой головою в бешмете, в наговицах. Казачен, да и все. Да и сама хочет быть "казачком".

Она без конца щебечет, накрывая стол и закончив - произносит: -

"Федя... можно садиться".

Мы подходим к столу. Науменко идет к председательскому стулу и берет его за спинку, что бы сесть.

"Нет, генерал... это мое место... хозяйки... а Ваше - рядом со мною" - вдруг говорит она так смело. Науменко немного опешил. Да опешил и я. 17-ти летняя барышня, в штабе дивизии и... "хозяйка"? Я немного смущен, но Науменко быстро "находится":

"Ах ты постреленок!" отвечает он и тут-же ущепнул ее за щеку. Надюша краснеет, бьет его по руке и теперь уже активно просит его занять место рядом с нею, правее. Мы все смеемся и соглашаемся. Я сажусь левее ее. Наши начальники штабов меняются местами: - полковник Егоров рядом со мною, а генерал Арпсгофен - рядом с Науменко.

"Мы обедаем с дамой" - любезно острит старик Арпсгофен и тут-же "жалуется" Науменку, что - "Надюша заставляет его бриться ежедневно"...

"Ах - неправда?... неправда, генерал" - пищит она. "Я Вам никогда этого не говорила" - оправдывается.

"Ну, конечно, Вы Надюша, Вы мне этого никогда не говорили... но не могу-же я, кавалер, показываться перед дамой не бритым. Вот и приходится напрягаться каждый день" - шутит он.

Д В Е Д И В И З И И - В О Д Н У. ГЕНЕРАЛ АРПСГОФЕН.

Оказалось, что генерал Науменко заехал в штаб нашей дивизии не запросто.

После обеда, когда все офицеры удалились - он говорит мне и генералу Арпсгофену:

"Ввиду малочисленности 3-ей Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева - предполагается свести вместе 2-ю и 3-ю дивизию. Но номер дивизии, из уважения к генералу Улагая, как к его детищу - останется - "второй". Третья дивизия - совершенно упразднится. Как старший в чине, в командование дивизией должен вступить генерал Бабиев.

"Вы ничего не имеете против этого, полковник Елисеев?" вдруг обращается он ко мне.

"Ваше Превосходительство - это вполне нормально", отвечаю ему искренне.

"Еще один вопрос" - обращается он к генералу Арпсгофену: - "Генерал Бабиев хочет сохранить свой штаб дивизии... а штаб 2-й дивизии - расформировать. Я знаю, что это Вам будет очень неприятно, но - так хочет генерал Бабиев" - закончил он.

Я видел, как все это было неприятно моему милому старику-генералу, барону, но я отлично понял, что - иначе и быть не может. Для властного и, порою, своевольного генерала Бабиева - скромный серьезный и благородный генерал Арпсгофен был совершенно не подходящ. Это, конечно, знал и сам Науменко. Все это, как-бы, только предполагалось, но нельзя было увидеть, что все это уже предрешено, сговорено заранее с Бабиевым. У него осталось в дивизии только два полка - Корниловский и 2-й Сводно-Кубанский и оба были малочисленны.

Хоперская бригада, входившая в состав 3-ей дивизии - давно отозвана генералом Шкуро к себе, к Сочи, как главные и верные его соратники еще по 1918-му году.

Астраханская казачья дивизия, отходившая по Ставрополью и Кубани -

была временно подчинена Бабиеву. Старший офицер этой дивизии, пишет мне, что она состояла из двух полков Астраханских казаков, двух полков калмыков и двух полков туркмен Астраханской губернии. Почти все четыре последних полка, при отступлении, разошлись по своим кочевьям. Остатки дивизии, на Черноморском побережье, с остатками Терской дивизии, образовали "Терско-Астраханскую назачью бригаду" и были оттянуты в тыл. До хутора Веселаго, что южнее г. Адлера - дошло только две сотни Астраханских казаков. Там они оставили своих лошадей с седлами и переправились в Крым. На острове Лемнос - они составили "Терско-Астраханский полк". Вот почему так уменьшилась 3-я Кубанская дивизия генерала Бабиева.

- * -

На предложение генерала Науменко - тактичный и скромный 65-летний генерал Арпсгофен, не вдаваясь в рассуждения, со смущенным лицом, став смиренно - произнес следующее:

"Слушаюсь... куда прикажете мне ехать?"

"Вы отправитесь в Войсковой Штаб... а там Вас, может быть, перешлют в распоряжение Ставки, в Крым, как офицера генерального штаба, на соответствующую должность" - ответил ему Науменко.

Генерал Арпсгофен сразу же понял, что пришел конец его военной службы.

"Все окончено, Федор Иванович... Я выеду в Австрию... к своей сестре... и займусь у нея хозяйством" - сказал он мне потом, тут-же, когда генерал Науменко, со своим штабом, оставил нас.

Мне было очень жаль этого очень приятного и почтенного старого генерала, еще так бодрого физически и со свежою головою.

Г Е Н Е Р А Л К О Л Я Б А Б И Е В .

Своим штабом 3-ей дивизии он занимал какую-то дачу-дворец. Войсковой Старшина Ткаченко, мой помощник, спросил разрешения проехать к нему - по-видаться со своим двоюродным братом. Вечером он вернулся и сообщил, что сегодня состоится у Бабиева кутежь с Корниловцами и он приехал за мною, по приглашению Коли Бабиева, как он его называл, будучи родственником.

Его штаб стоял верстах в пяти от штаба нашей дивизии. Проехать туда было быстро и легко, но я не хотел встречаться с Бабиевым в кутеже, да еще с офицерами Корниловского полка. Со стороны последних получилась бы двойственность к своим двум старым командирам, чего я не хотел, зная власть Бабиева.

Спросив разрешение - Ткаченко сообщил Бабиеву о моем отказе. Последний тут-же вызвал меня к телефону.

"Это Вы, Джембулад?" - слышу я так знакомый мне, с хрипотой, голос и - уже "веселый"...

"Да, я ... полковник Елисеев" - отвечаю, как равный в должности.

"На хабар?" /что новяго?/- как всегда, запрашивает он меня по-татарски

"Хабар йок!" /новостей нет!/- отвечаю ему взаимно.

После этих незначительных татарских слов, я почувствовал, что он очень хочет меня видеть.

"Отчего Вы не хотите приехать ко мне?... со мною Корниловцы... у нас весело! Право - я очень хочу Вас видеть у себя и, конечно, кунаком. Вспомним старины..."

Последние его слова - "Конечно, кунаком и вспомним старину" - меня соблазнительно подкупили. Эта "старина" началась с января 1915 года в Турции, когда он был сотником а я хорунжим и продолжалась до мая месяца 1919 года, когда он уволил меня от командования Корниловским конным полком на Маньче и... удалил конспиративным порядком. Теперь он, явно, сознал, что тогда был не прав.

У меня иногда проявляется гордость, переходящая в упрямство. Он пригласил меня очень тепло и, конечно, надо было проехать к нему. К тому же, ежели бы я знал, или предчувствовал, что совершаются "наши последние дни" Славы и бытия Казачьего, - проехать было надо.

В телефон слышу шумные голоса офицеров и звуки хора трубачей, из чего заключил, что там веселие в полном разгаре... Как гостя, знаю, заставят, принудят "догнать" их в веселии, чего я не любил, почему решительно отклонил приглашение. Тогда Бабиев переходит на другую тему:

"Известно Вам, Джембулат, что наши дивизии своятся в одну?... и я назначен быть ее начальником?"

Я не скрываю этого, отвечаю, что только сегодня услышал подобное от генерала Науменка. Поздравляю его и что Лабинская бригада, свыше 1.500 шашек будет рада служить под начальством своего коренного лабинца, хорошо им известного.

Бабиев отвечает, что он и сам рад этому и спрашивает моего согласия быть командиром Лабинской бригады, приказ о чем - он отдаст немедленно же.

- * -

Безцветная должность командира бригады в дивизии была мне известна еще по Турции и по Маньчу 1919 года. В Турции, командир нашей 1-й бригады 5-й Кавказской дивизии генерал Колесников Иван Никифорович/Терский казак, не имел, даже, и адъютанта. Тоже было и у полковника Венкова Василий Кузьмича в дивизии Бабиева. И разстаться с живым 1-м Лабинским полком свыше 1.000 шашек при 26-ти пулеметах, добытых в боях... разстаться с офицерами, с котрыми так сжился?!... "Нет и нет!" - решительно ответил ему.

- * -

Дня через два, образовалась сильная 2-я Кубанская казачья дивизия, имевшая в своих рядах шесть полков и две батареи. Вот ее полки:

- 1.- 1-й Лабинский полковника Елисеева Феодора,
- 2.- 2-й Лабинский полковника Кротова Александра,
- 3.- 1-й Кубанский полковника Кравченко Афанасия,
- 4.- 2-й Кубанский полковника Гетманова Ивана,
- 5.- Корниловский конный Войскового старшина Безладнова Владимира,
- 6.- 2-й Сводно-Кубанский полковника Лиманского Игната,
- 7.- 2-я Кубанская конная батарея и
- 8.- 5-я Кубанская конная батарея. Фамилии командиров батарей не помню.

Это было около десятых чисел апреля месяца. Я был рад этому. Во 1-х, получилась очень сильная дивизия, а во 2-х, была вера в генерала Бабиева, который был попрежнему воинственно настроен, да и вообще - был выдающийся боевой генерал Кубанского Войска.

Я, даже, думал, что теперь мы перейдем в наступление. А зачем? - и сам не знал, хотя бы для того, что бы воевать!.. так как война есть хороша тогда, когда наступаем.

В эти дни в 1-й Лабинский полк влился дивизион Лабинцев Войскового Старшины Козликина, около 250-ти коней. В полку стало 1.300 шашек. С и л а!

О Козликине я слышал от Лабинцев "целья чудеса" о его храбрости и ненависти против красных, которые погубили его семью. Он мстил им, став почти

легендарным героем среди Лабинцев. Передо мною представился теперь пожилой штаб-офицер, довольно крупного роста, отяжелевший от всего пережитого, с тонкими длинными усами вниз, морщинистый, и говорящий тонким голосом. Докладывал о себе, о своем дивизионе, очень почтительно, часто титулуя меня по чину. И ничего "жестокато" я не нашел в нем - ни в его фигуре, ни в голосе, ни в глазах, ни в разговоре. Он устал. И просился отдохнуть в обрете. Я отпустил его. Он был из заслуженных урядников Великой войны 1914-17гг.

МЫ ИДЕМ В ГРУЗИЮ. . .

Этот вопрос был ясен для всех. Он парил в воздухе. Там будет отдых, переформирование Кубанской нашей армии и - вновь поход на Кубань. . .

Мы в обновленной дивизии, где у Бабиева, лучшим, главным и любимым полком, останется, конечно, Корниловский. Это офицерская семья сильнее Лабинского полка, это я знаю отлично. Но 1-й Лабинский полк несравненно сильнее Корниловского и по численности и по однородности казаков и офицеров. И я совершенно не хочу, чтобы наш, заслужено храбрый полк, был бы в дивизии и в глазах Бабиева - "вторым" по качеству.

Власть каждого командира полка очень велика в своем полку. И от командира полка зависит качество самого полка. Зная все это по опыту еще с чина хорунжаго, будучи полковым адъютантом у командиров разных духовных и мозговых качеств - я собрал всех офицеров полка и сказал им следующее:

"Мы идем в Грузию. Там будет переформирование нашей Кубанской армии. Нам надо отремонтировать полк. Я хочу командировать в Кутаис полковника Булавина с достаточным авансом, чтобы закупить сукна для черкесов казакам на весь полк, которые пошьются уж в полковой мастерской. Надо экипировать полк как было в мирное время. Офицеры получают черкески так же от полка, бесплатно. Наш 1-й Лабинский полк должен быть лучшим в дивизии, каким он уже и есть," закончил им.

Все офицеры были в восторге от этого плана. Подхватив мою мысль, они высказали желание иметь по две черкески - черную парадную и серую выходную с соответствующими бешметами для них. Конечно - черная каракулевая папахы. Все ликовали от будущего счастья. Офицеры отказались получить черкески от полка, решив справиться все на свои деньги. Началась запись у Булавина - кому что заказать, приобрести? И тут-же вносились деньги.

Маленькое отступление:

С переходом за Кубань - мы не получали жалованья, и жили на авансы из полковых сумм. Когда я командовал дивизией, то в естественном порядке обратился к командиру корпуса, генералу Науменко - почему нет жалованья полкам? И он сообщил мне печальную весть: - Военный чиновник, корпусской казначей, был командирован в Екатеринодар, за деньгами. Получив их, возвращался в корпус, который был уж за Кубанью, где и попал в руки "зеленых" со всеми деньгами. В общем - в корпус он не вернулся. Деньги пропали.

Вследствии этого, некоторые из офицеров не имели денег, а их командир полка в особенности. И как я был удивлен, когда офицеры внесли Булавину из собственных сбережений около пятисот тысяч рублей "керенками" и даже царских.

Мой экипаж пропал со всеми вещами. Я был "гол как сокол". Вновь взял аванс и внес его Булавину для личного своего обмундирования и, конечно, для Надюши.

Для обмундирования казаков - выписал из полковых сумм один миллион рублей Донского казначейства. Весь полк ликовал от будущего счастья.

НАГРАЖДЕНИЯ В ПОЛКУ.

Ненужная щепетильность.

Как и беда, так и радость, иногда, приходят своей чередой. К этим дням в полку получен был приказ по Кубанской армии о производстве в следующие чины, и за выслугу лет и за боевые отличия.

Произведены:

1. Войсковой Старшина Ткаченко - в полковники.
2. Есаул Сахно - в Войсковые Старшины.
3. Сотник Луценко - в Есаулы.
4. Сотник Щепетной - в Есаулы.
5. Сотник Козлов - в Есаулы.
6. Хорунжий Меремьянин 1-й, раненый, эвакуирован в Крым - в Сотники.
7. Хорунжий Косульников - в Сотники,
8. Хорунжий Конорез - в Сотники,
9. Хорунжий Коранев - в Сотники.

Остальных не помню.

Но в этот же день, от генерала Науменко получено несколько десятков Георгиевских крестов и Георгиевских медалей для казаков, за бои у Садовой и у Кривянки.

Вновь собрал своих помощников и командиров сотен, что бы поведать им новую радость, и к вечеру представить мне наградные списки на казаков, когда и будут розданы награды.

Офицеры разошлись. Но скоро возвращается полковник Ткаченко и официально, серьезно, докладывает, что: - "Господа офицеры полка просят наградить Гергиевской медалью 4-й степени с надписью "За храбрость" казака-Надю".

Я принял это "за несерьезный доклад" своего активного помощника и отказал. Но не таков был Ткаченко, умный, настойчивый, определенный, принципиальный.

Стоя в положении "смирно", чем хотел еще острее подчеркнуть мне, что доклад его от лица офицеров полка есть строго официальный и продуманный, - он внушает мне, что - "Надя со станицы Казанской находится все время с полком в строю, верхом на лошади... она совершила поход... Надя, ведь, девочка... она несет столько лишений... и всегда так весела и приветлива, что, буквально, бодрит нас всех".

Ткачев сказал истинную правду. Но я ему ответил, что - "Казаки целых два года воюют, несут лишения, каждый из них достоин награды и я не могу лишить казака, даже, и медалью, дав ее родной сестренке". Сказал и отпустил своего достойного и гордого помощника.

Удивленный Ткаченко ушел. А перед вечером, когда полк выстроился в пешем строю для получения наград - я увидел всех офицеров у порога своей квартиры.

Полковник Ткаченко вновь доложил мне от лица "всех офицеров", которые шумно произнесли лишь одно слово - "Прос-сим?"

Моя щепетильность иногда идет мне во вред. В данном случае, я еще более "закусился". Просили бы они за другое лицо - я согласился бы, но они просят за мою родную сестренку!... и я, соблюдая честность души "не радеть родному человечку" - наотрез отказал своим храбрым соратникам.

Надюша, стоя тут-же, склонив свою головку, грустно слушала мои отвратительные слова; но она знала, что в нашей семье, слова старшего брата - это закон для младших.

Ткаченко, всегда правдиво-резкий, как старший меня в ляхи по производству в офицеры - даже пристыдил меня за несправедливость к сестренке - вруто повернулся кругом, махнул рукою и пошел к строю полка. Спокойный-же

полковник Булавинов - удивленно сказал: - "И к чему эта шепетильность Федор Иванович? Непонимаю я Вас..." Сказал и отошел.

Эт была моя первая и единственная несправедливость к Надежде, которую я очень ценил и любил, как умную, развитую, заботливую и деликатную барышню, которая, кажется, нравилась абсолютно всем.

Свою эту несправедливость к ней, что не наградил Георгиевской медалью, - я понял только много лет спустя, когда Надежда была уже мертва... и понял это за границей, когда насмотревшись "на человеческую правду", которая, в большинстве, бывает "кривда".

Роздав Георгиевский кресты и медали казакам, поздравив награжденных - я еще раз пояснил полку, что - "Мы идем в Грузию... Полковник Булавинов завтра едет туда, что бы заготовить новое обмундирование для всего полка... он будет нас ждать там". Такова была моя личная заблужденность тогда. Да и ни одного меня...

В помощь Булавинову был назначен сотник Михаил Копанев, казак станицы Константиновской. Они выехали с крупным авансом на второй-же день. Все это сказалося в пустую. За границей, в Париже, в 1925 году, я встретил только Копанева. Булавинов с авансом остался в Тифлисе, который был занят красными советскими войсками в феврале 1921 года.

Ч Е Р К Е С С К А Я З Е М Л Я . . .

Полку приказано отступить и еще, к раз, еду Головинка, что на реке Шахэ. На деревянном мосту через нее, на перилах, сидят два очень красивых рослых стройных молодых черкеса интеллигентного вида. Они в белых и при дорогах шинжалах.

"Кто Вы?" - спрашиваю.

"Всадники Черкесской конной дивизии" - отвечают совершенно запросто, без воинской субординации, достойно, но вежливо и добавляют, что они "в гостях в черкесском ауле".

"Как?... разве здесь есть черкесские аулы?" - удивленно спрашиваю их.

"А как-же!.. Ведь это, когда-то весь район был наш, Черкесский", отвечают они.

Из их ответа, я понял, что сделал "гафу" и задел их Черкесское национальное чувство.

Мы, ведь, всегда думали, что Россия, от Ледовитого океана и до Турции - есть "русская земля". А Черноморское побережье - это есть специальное курортное место богатейших москвичей и петербуржцев.

Я не спрашивал их дальше и с полком сворачиваю влево, вхожу в ущелье и лес, выхожу на полянку и двигаюсь к строениям на пригорке.

Сотни длинно тянутся где-то позади... Командую голове колонны - "Стой... Слеза-ай!" и указываю место для бивака полка. Долинка сразу же наполнилась многочисленными сотнями казаков и лошадей. Застучали топоры... повалились некоторые деревья, давая место биваку. Все шумно заговорило кругом жизнью появившейся строевой конной части.

Расположив полк биваком - еду верхом к строениям на возвышенности. Их 5-6. Какого-то типа с восточным лицом, бедно одетый, в соломенной шляпе, приложив руку к груди - низко, подобострастно, кланяется мне.

"Грек?" - спрашиваю.

"Черкесс... черкесс! Эта наша аул... бедный аул... большевик все/все/ забрал и... гитты на гора" /и ушел в горы/, говорит он и бросил рукою жест к горам, куда, дескать, ушли большевики, забра в их добро.

Черкес отводит мне лучший домик. В нем деревянный пол и никакой обстановки. Я иду осмотреть другие домики. Черкес следует испуганно за мною.

"Там марушка /ударение на последнее а/ нельзя.. закон не позволяет", говорит он.

"Не бойся.. я только посмотрю"- успокаиваю его.

В комнате, на полу, сидит до десятка женщин разных возрастов с детьми и - ничего нет в них чисто "черкесского". С ними и старик-черкес в соломенной шляпе, в опорках, в мужичьих штанах и в какой-то куртке. Он одет так же, как имой проводник, лет 35-ти черкес.

"Мой отца"... поясняет проводник.

Я в полном разочаровании от этого черкесского аула, от самих черкесов и черкешенок, которые, удивляюсь, совершенно омужичились и нисколько не походили на наших Кубанских молодецких черкесов и красавиц-черкешенок.

На другой стороне бурной каменистой реке Шахе, довольно широкой, может быть шагов в двести - стоит "настоящий аул", как пояснил мне хозяин-черкес.

Наш берег крутой, в лесных зарослях, а тот - пологий, ровный, с плоскою долиною. Здесь будет стоять целая бригада казаков - 1-й Лабинский полк и Корниловский конный под моим командованием.. Все войска отходят за эту "главную реку", которую надо защищать "во что бы то ни стало", т.к. дальше хороших позиций нет.

Мы рады, что Сочи не так далеко, около 50-ти верст. За Сочи "городишко Адлер", а за ним и "обетованная наша земля, страна Грузия", где нас ждет полный покой, заслуженный отдых и переформирование... Мы этому безконечно рады и весело, взбудоражено, располагаемся здесь.

В разных кустах пригорках разставлены на позициях пулеметы есаула Сапунова. Они скрыты. Позиция наша не п р и с т у п н а. И мы безбоязненно расположились на ней.

ПУЛЕМЕТЫ ЕСАУЛА САПУНОВА.

Наш полк растет. Самовольные пополнения к нам идут из тыла, с обозов беженцев. Их там не кормят, почему, все кто может - выпрягают лошадей и едут в свой родной и кровный 1-й Лабинский полк, о котором идет только лестная слава.

Да посмотреть лишь на одни пулеметы есаула Сапунова, то и то, от восхищения не можешь оторваться.

Все его 26 пулеметов имеют свои личные "клички". И все эти клички грубо, пальцем, белую краскою, написаны на щите каждого пулемета, обращенного к противнику. Вот некоторые из них:

"Бей жида Троцкого. По Ленину - огонь! Пулемет - Лосев №1-й. Пулемет - Не отступать. Славный Лабинец. Храбрый Лабинец. Пулемет - Есаул Сапунов" Других не помню.

Увидев все это, сделанное секретно - я улыбнулся. Казаки со всех своих пулеметных линеек смотрят на меня, следят за выражением моего лица, стараясь узнать - нравится-ли это самому командиру полка?

Им все это очень нравится и они боялись - как бы я все это "не забраковал".

Пусть будет так - подумал я, если...если это идет на пользу воинского воодушевления. Я этому только рад.

Есаул-урядник Сапунов просиял от своей выдумки. Он мнетя. Он хочет что-то сказать мне. А потом, взяв руку под-козырек, спрашивает: - "Позвольте, господин полковник, один пулемет назвать "Полковник Елисеев"?"

Я ему, конечно, не позволил. Но, в такой простоте - сколько было души, веры, надежды... А в Ставке Главнокомандующего в Крыму, писали, что - "Кубанская Армия развалилась"...

КОРНИЛОВЦЫ И ЛАБИНЦЫ.

С Корниловцами на арьергардной позиции мы живем очень дружно. Я часто бываю у них. Иногда там и обедаю. И мы часто поем наши старья полковныя песни. Корниловцы отлично пели.

Там у меня все старые соратники по 1918-19 годам - Безладнов, Трубачев, Литвиненко, Марков, Мартыненко, Козлов-старший, Друшляков, Лебедев, Кононенко, Ростовцев. Все они в чине Войскового Старшины. А вот есаулы: - Тюнин, Носенко, Зброцкий, Бех большой, Бех маленький, Дронов, Козлов младший, родной брат Жорж. Других не помню.

Сотнями командуют только войсковые старшины, которые год тому назад были сотниками и хорунжими, а некоторые, в 18-м году - были только прапорщиками. Все они дорожат своим, поистине, храбрым полком и вне его служить - не видят интереса. Но он мал. В нем около 400 шашек. В три раза слабее нашего полка по численности бойцев.

Мои Лабинцы заметили мое частое посещение Корниловцев. Заметил и я в них какую-то скрытую грусть, когда я бываю с ними. А на одной трапезе "с мамалыгой" /вареная кукурузная мука/, безхитростный и грубоватый есаул Сапунов "выпалил" как-то при всех офицерах:

"Наш господин полковник любит больше Корниловцев, чем своих Лабинцев"
"Откуда Вы это взяли?" - задетый, спрашиваю его.

"Да, как-жа... Вы павсегда ходите туда... обедаете там... и поете песни с ними" - доказывает он.

Пришлось прочесть целую лекцию, что - это мой первый полк по гражданской войне; в нем я провел 9 месяцев из коих три месяца командовал им; в нем четыре раз ранен и все в конных атаках, без патронов, на шашки..

Говорил, но видел, что этим я их не успокоил. Пришлось как можно реже посещать этот родной мне кровный полк - Корниловский конный. Такова реальная любовь, даже и у воинов.

ВИЗИТ ГЕНЕРАЛОВ - НАУМЕНКА И БАБИЕВА.

"Смирно-о!" - слышу я команду в лесу.

"Здравия желаем, Ваше Превосходительство!"

Вот-те и на! - думаю - кто-же это? Вскликаю и вижу своих генералов - Науменко и Бабиева. Спешу им навстречу и рапортую первому "о благополучии на вверенном мне бсевсм участке".

"Мы к Вам в гости, Елисейев, но отнюдь не инспектировать" - весело говорит Науменко.

"Милости прошу на то и другое" - отвечаю.

Бабиева я вижу впервые с лета прошлого года.. Он нисколько не переменился. Под ним все тот-же светло-гнедой лысый белоногий "залет-калмык", который и мне очень нравился. Бабиев, любезно, по-дружески жмет мне руку и улыбается. С ним два полковника, наши Корниловцы, Иванов и Шеховцев - его станичники и бывшие когда-то рядовыми казаками стараго 1-го Лабинскаго полка. В 1919-м году Иванов был сотником, а Шеховцев хорунжим в Корниловском полку. Оба были командирами сотен. Теперь они полковники и штаб-офи-

церы для поручений при Бабиеве.

Мы в моей комнате. Короткий доклад о фронте. Красных мы не видим на том берегу реки. Туда, через быстрюю реку с каменистым дном, на ходулях ходят черкесы и приносят нам кукурузу и, даже, муку. Мы им хорошо платим и они с удовольствием ходят туда. А на-днях, есаул Бэх-большой, со взводом казаков-корниловцев, сняв штаны, вброд перешли реку и там красных не обнаружили.

Мы четверо, два генерала, я и войсковой старшина Безладнов сидим на перилах балкона и весело разговариваем. Больше всех говорит Бабиев. Генералы на "ты" между собою, но Бабиев титулует Науменко на "Ваше Правосудительство". Бабиев привез две бутылки вина и мы неспеша пьем его.

Бабиев говорит, что "казаков надо подтягивать:.. дисциплину надо соблюдать везде" и рассказывает - "Да вот - едем мы по Вашему биваку Лабинцев... сидят казаки и не обращают на нас внимания, но смотрят на нас. Я им команду - Встать!.. Смирно? Не видите - командир корпуса едет. Они смотрят на меня и нехотя встают. А я им еще громче кричу - Вста-ать!... Здорово молодцы-ы! Они отвечают, но слабо. Вы что-же, с сыны, хотите чтобы я Вам чевяком в ноздрю толкнул? - кричу им."

Мы все весело смеемся на его рассказ. Но я не хотел сказать ему, что по воинскому уставу, на биваке команда "смирно" не подается, для того, чтобы людям дать отдых. А честь отдают только те казаки, кто близко видят начальство, или начальство к кому обратится лично. В общем - нам всем было очень весело и приятно.

"Ну, Коля, пора ехать" - говорит Науменко. "Пока проедем перевал, да там верст пять.. надо торопиться... солнце уже на закате". Они уехали.

О П Я Т Ь О Т Х О Д . . .

Корниловский полк от нас снят. 1-му Лабинскому полку приказано оставить только заставы с пулеметами на Шахэ, а самому полку занят гребень перевала, отстоявшего от реки верстах в двух. Коноводов отвести вниз, за гребень.

Левее нас, до моря, занимают позиции пластуны генерала Морозова. В районе нашего полка собрались высшие пластунские начальники. Все в черкесках. Все дружны между собою и вид их был, казалось, несокрушим.

Офицеры-пластуны ушли и мы занимаем в тенистом лесу очень удобный гребень, где казаки, без лошадей, так вольготно отдыхают.

Думаю, это было числа 10-го апреля. Приблизительно в обеденное время - получаю циркулярное распоряжение:

"Всем частям в 10 часов утра отойти на следующий рубеж, т.к. противник обходит нас с гор. 1-му Лабинскому полку спуститься к шоссе - отойти, так-же незаметно для противника и следовать к станции Лоо. Подпись - Генерал Бабиев.

Я глянул на часы. На них шел первый час дня. Как ужаленный вскочил. Мы стоим уже два часа одни, тогда как все соседние части уже отошли. Набрасываюсь на ординарца, доставившего нам распоряжение, а тот отвечает что - по лесу, по горам, трудно было ехать верхом, вот и запоздал.

Ну, думаю - вот и катастрофа... На шоссе, мы, конечно, теперь не попадем. Там уже красные. Сяду у нас верстах в двух слева. Надо пробираться горами. В охранении, на реке - сторожевая сотня. Туда и обратно - 4 версты. Да пока командир сотни свернет свои заставы - пройдет не менее час времени.

Ах, проклятие! - ругаюсь, и спешно, бегом, посылаю ординарца вниз, сказав что через полчаса полк снимется и здесь будет оставлен только маяк, а от него цепочка казаков по горам. По тропинке, по-одному, до 800 пеших казаков втянулись в лес, спускаясь вниз, к югу.

Пройдя около часа времени - голова колонны встретила шоссе. "Чье оно?" Надо остановить голову колонны, подтянуться и приготовиться ко всевозможным неожиданностям.

Выждали. Вдруг справа, из-за выступа горы, показалось два человека. Они шли со стороны противника. Они в папахах, с винтовками, явно, казаки. Лениво, безопасно подходят к нам.

"Кто Вы и какой части?" - спрашиваю.

"Та пластуны-ы.. все чортувались с двух-колкою... тэпэрь вона йде за нами" - отвечает один из них досадливо.

"А где-же красные?"

"А чорті дэ!.. мы його ны бачылы" - поясняет. У меня отлегло от сердца.

"А после Вас, есть еще наши части? - допытываюсь

"Ніі... мы послідні" - так же безопасно говорит один из них, не видя во мне начальника.

"Ну, так тікайте хлопці!.. підждыть свою двух-колку і скорішы до свііх.. Во мы, тоже, послідні" - вторю ему по-черноморски.

"А теперь, справа по-три, скорым шагом за мною" - командую я своему полку и двинулись по шоссе на юг, к своим коноводам.

В ШТАБЕ КОРПУСА. НОВОСТЬ . . .

Мы нашли наших коноводов в какой-то пересеченной местности, сплошь покрытой лесом. В конном строю двигаемся по шоссе на юг. По дороге, на одной безлесой возвышенности стоит барская усадьба. К своему удивлению узнал, что в ней помещается штаб корпуса, а штаб нашей дивизии где-то внизу, в долине. Решил захватить и доложить генералу Науменко о том - как была представлена позиция на реке Шахе без напора красных, которых там и не оказалось. И только что я въехал во двор, как меня окружили казаки-станичники, ординарческой команды корпуса, и наперебой заговорили, что - генерал Науменко отрешен от командования корпусом... корпус принял генерал Хоранов... большевики предложили мир...

Я не верю своим ушам... В это время во двор спешно вышел генерал Хоранов. Я бросаю казаков и верхом подъезжаю к нему.

"А-а... Фед-дор Иванович?" по-осетински, чуть шепеляво, обращается он ко мне. "Мы давно с Вами не виделись... а тут новость - подумайте? Большевики сами предлагают нам мир. Право, я не знаю, как посмотрит на это наше Правительство и Атаман, но я ничего не имею против этого... буду и там командовать корпусом"... вдруг говорит он, прищурившись и улыбаясь. А я и не знаю - шутит-ли он, или говорит всерьез.

В это время во двор въехал неизвестный мне генерал. На нем гимнастерка с очень короткими рукавами. Весь его костюм смесь казачьяго с солдатским. Под ним обыкновенный кабардинец с казачьим седлом. Вид его не блестящий как генерала, а черные глаза его, горят злобою. Увидев нас - он зло ругает кого-то и выражает возмущение, что мира с большевиками быть не может и с ними надо только драться. И он очень удивлен - как это из штаба корпуса могли писать об этом в их 4-ю Кубанскую дивизию?!...

Хоранов смущен. Я ничего не знаю "о мире", и что писал Хоранов в 4-ю дивизию и кто этот генерал.

"Да, ведь, это одно предположение, Ваше Превосходительство", отвечает Хоранов.

"Предположение-предположение, но им вносится яд в душу казаков", резонно отвечает неизвестный мне генерал.

"Кто это?" - спрашиваю Хоранова.

"Та-а... генерал Шинкаренко... недавно принял Кавказскую бригаду в моей 4-й дивизии. А кто он и откуда - я не знаю" - поясняет. /Это тот генерал Шинкаренко, который дрался против красных в Испании, находясь в Армии генерала Франко, кажется, в чине лейтенанта, Ф.Е./

Ненайдя сочувствия и у меня - Хоранов смущенно говорит: - "Канешна... разве с ними можно мириться?... драться надо" - закончил он.

У Х О Д Г Е Н Е Р А Л А Б А Б И Е В А . . .

Оставив штаб корпуса - полк спустился в лесистую долинку и расположился биваком недалеко от штаба своей дивизии.

Утром следующего дня, в обеденное время, меня вызвали в штаб дивизии. Значит - новая боевая задача - думаю и иду туда пешком. Это было по-соседству в лесу.

Вхожу. Все тихо кругом, словно мертво. Ходят офицеры и казаки, но все молчаливы. И будто избегают и встречи и разговоров со мною и между собой. Первый, кто попался мне на глаза - то был есаул Андрей Ишутин, казак станицы Ильинской. Он из урядников и старый Корниловец. С весны 1919г. он служит в штабе дивизии. Я его отлично знал. Знаками просит подойти к нему. Подхожу. И он таинственно, почти шопотом, говорит:

"Генерал Бабиев уезжает в Крым... он отрешен от должности... он очень взволнован, злой и молчит. Вот почему и тихо кругом. Мы боимся попадаться к нему на-глаза"...

Если-бы мне это сказали не в штабе дивизии - я бы никогда не поверил этому.

"Отрешить от командования генерала Бабиева?!... т.е. - как это отрешить? За что?!... Да и - возможно-ли это?!... А дивизия - не взбунтуется-ли?!"

У меня, грешным делом, мелькнула мысль, что генерал Бабиев вызвал меня для того, что-бы спросить: - "Надежен-ли 1-й Лабинский полк, что-бы поддержать его?" Корниловский полк, конечно, можно и не спрашивать. Тот всегда был надежен для Бабиева. И командира корпуса генерала Науменко отрешают. Это, конечно, какая-то непонятная работа Атамана Букретова... и они его распоряжению, конечно, не подчинятся. Так подумал я тогда и полностью надеялся на свой полк, который послушно пойдет за ними.

Длинный стол накрыт для обеда человек на 15. Но кругом было пусто, как в доме покойника. Генерал Бабиев, со своим начальником штаба дивизии полковником Гришиным, у себя в комнате. Гришина я знал еще по Маньчу весны 1919 года, когда он был штабс-капитаном ускоренного курса Академии ген. штаба, занимая у Бабиева эту должность.

Ужасно трудно молча ждать в такой убийственной тишине. К обеду собрались уже все офицеры. Все мы молча ждем. Наконец открывается дверь и входит Бабиев.

Он одет в свою темно-коричневую бикирку с кожаными карманами на груди, при полном холодном оружии, в черной каракулевой шапченке с серым верхом. Он очень грустно-строгий. Его серые глаза остро-сурово глянули на меня. Усы "а-ля Вильгельм", будто-бы - еще больше натопорщились вверх. Все мы молча и быстро "вытянулись" в положение "смирно". Я двинулся навстречу ему, т.к. был им вызван, следовательно - хочу напомнить, что - "жду его распоряжения".

Я еще ни разу не видел его таким сухо-строгим, почти безразличным ко всему тому, что делается вокруг него. Но его глаза не были безразличны. В них сосредоточились все его горестные думы. Они смотрели строго-серьезно так, как смотрят на покойника, которого уже не воскресить и которого так

жаль, жаль до смерти. Он совершенно не обратил внимания кто находится в столовой.

Не меняя своего строго-печального взгляда - он подал мне руку и молча, только жестом руки, указал мне место за столом, правее его. Левее его сидел полковник Преображенский, командир одной из его бригад, старый соратник еще по Маньчжу, которого я хорошо знал. Он гусар, окончил конный взвод Иркутского пехотного училища, и летами и по выпуску из военного училища - был старше Бабиева. На Маньчже он командовал 2-м Полтавским полком, был храбрый и распорядительный начальник. Бабиева он любил и был ему очень послушен.

Все было так жутко-тихо за столом, что казалось - офицеры боялись глотать пищу, что-бы не нарушить этой тишины и переживаний горя своего генерала.

Молчали абсолютно все и, только изредка, полковник Гришин напоминал Бабиеву, будто, не оконченный ими разговор, или повторял уже решенное. Бабиев молча, чуть заметным кивком головы, давал ему знать - что он его слушает и понимает.

Бабиев сидел за столом и кушал не сняв папахи. Ужасно было томительно в особенности для меня, который, фактически - официально ничего не знал! И я не знал - зачем, именно Бабиев вызвал меня?

Я был убежден, что оба наших генерала - Науменко и Бабиев - не подчинятся этому распоряжению и 2-й Кубанский конный корпус пойдет за ними "на все". Я не знал общей ситуации, почему их отзывали, отчего и думал так.

Здесь я повторяю то, что писал об этом в журнале "Кубанское Казачество" №2-й на странице 17-й, вышедшем в Париже в декабре 1931-го года, в статье под заглавием - "Лабинцы и последние дни на Кубани". Вот оно:

"Мрачен был Бабиев тогда, в тот день отъезда из своей дивизии, от свих долгих испытанных соратников. Как-то не думалось, и не вязалось в голове, что он уедет "молча"... За обедом - он не проронил ни слова... Мрачный, замкнутый, затянутый в коричневую дачковую бикирку, при всем оружии и в папахе - сидел он за столом и почти ничего не ел... Весь штаб его и все присутствующие - молчали так-же. Никто не смел нарушить биение его души - геройской, властной..

Прощаясь так-же молча, разцеловавшись - он так-же мрачно, глухо, коротко - бросил мне: - "Прими дивизию"...

Уехала "душа", нерв, мысль, пример, ореол храбрости и дерзновения, идея бойца, струна зовущая и обаяние строевого офицерства и казаков и... словно темная ночь спустилась над нами и... среди бела дня... Стало тяжело, сумно, жутко на душе"...

Так и было в действительности. Он не только мне, но и никому не сказал ни одного слова. И выехал он сразу-же после обеда в Сочи, непопровавшись ни с кем из офицеров своего штаба, не подав никому руки. У крыльца стояли оседланные лошади. С ним выехал и полковник Преображенский.

Говорили потом, что Преображенский не хотел оставаться в дивизии без Бабиева и выедет с ним в Крым.

Потом, полковник Гришин говорил мне, и выразил надежду, что генерал Бабиев еще вернется назад, т.к. произошло, видимо, какое-то недоразумение, или интрига, которая благополучно закончится для генерала.

В тот-же день я узнал, что не только что Науменко и Бабиев, но и генералы Улагай, Шкуро и Муравьев/старший/ отзываются в Крым в распоряжение Главнокомандующего генерала Врангеля. Всем генералом разрешено взять с собою лошадей и вестовых, но другим лицам следовать с ними запрещено.

Все это для меня была какая-то странная загадка, почему, в командование 2-й Кубанской дивизией вступил в третий раз без особаго удовольствия.

Мы тогда ничего не знали, что творилось в высших сферах командования. Оказывается, что Атаман Букретов выехал в Крым. Там, на совещании высших начальников под председательством Главнокомандующего генерала Врангеля, между последним и Букретовым произошли расхождения. На предложение Врангеля, что бы Букретов вступил и в командование Кубанской армией - последний согласился, но потребовал, что бы генералы - Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев и Муравьев - были бы отозваны в Крым, как мало послушные ему генералы.

ВОЙСКОВОЙ УЧЕБНЫЙ КОННЫЙ ДИВИЗИОН.

Яд "о мире" был брошен в изболевшуюся казачью душу. Но он не имел сил. К гибели Кубанской Армии другие причины - безысходность положения. Отступить было некуда...

Мы недоумевали - почему оставили отличную позицию у реки Шахэ? Противник нас не тревожил и не преследовал. Мы, по какому-то непонятному нам разпоряжения "свыше" - уступали красным позицию за позицией. И вот теперь - отступаем в самому Сочи - наш центр Армии и политики. Наша 2-я дивизия все время в арьергарде. С Лабинской бригадой вновь отхожу на юг. Идем по шоссе в колонне по-три, поднимаясь на безлесый перевальчик - как видим, какая-то часть разсыпана в цепь. Мы идем спокойно в тыл, даже без дозоров. Это смутило "боевую цепь". От нея вышел на шоссе какой-то офицер, всматривается в нас... а потом я слышу, приблизившись:

"Это ты, Федор Иванович?... а мы думали что это идут уже красные?... и приготовились!" - весело говорит мне Войсковой Старшина Лопатин, казак станицы Расшеватской, мой дивный друг и по Турецкому фронту и по Корниловскому полку 1918-19 годов. После Енакеринодарского реального училища - он окончил сотню Николаевского кавалерийского училища перед самой войной, почему и был отличным, хорошо грамотным офицером, как и дружественным со многим.

"Да Вы-то - какая часть Иосиф Филиппыч?" - спрашивая его.

"Да Войсковой учебный конный дивизион... нас две сотни... а за перевальчиком - наш командир дивизиона генерал Мальчевский" - как всегда, весело, живо, говорит он.

"Ну, Филиппыч, теперь ты можешь стрелять... позади нас уже нет белых... мы последние" - смеюсь я милому и умному своему другу и соратнику с 1914 года.

Я докладываю генералу Мальчевскому о боевой обстановке. Я его совершенно не знаю, но еще на Турецком фронте слышал, что он, будучи есаулом и командиром сотни 1-го Черноморского полка, совершил удачную конную атаку против турок и за это награжден был офицерским Георгиевским крестом 4-й степени. Он у него теперь на груди английского кителя. Он высокий и худой brunet. Тело, как-будто дряхлое, но глаза и улыбка молодые и приятные. Воевать он не хочет.

"Да мы, если покажутся красные - постреляем-постреляем, да и отступим. Нам так приказано", с улыбкой говорит он.

У КОРНИЛОВЦЕВ... ПОЛКОВНИК ЛИМАНСКИЙ

Корниловскому полку приказано мною занять горный массив, лежащий верстах в 15-20-ти севернее Сочи. С арьергардной Лабинской бригадой спокойно подхожу к этому массиву. И только перевалив его, как меня встречает с рапортом командир полка, Войсковой Старшина Безладнов Владимир. Влево, тут-же, на скате - вижу офицеров его, разосланных бурки, на них скатерти со скромною закуской, но в изобилии и... с напитками.

После рапорта "о благополучии в полку" - Безладнов приглашает меня "на легкую закуску"... Соглашаюсь, но с условием, что будут приглашены и командиры Лабинских полков, полковники Ткаченко и Кротов. Штаб дивизии с полковником Гришиным был где-то в тылу.

Несколько слов о Безладном.

13 сентября 1918 года, под станицей Михайловской Лабинского Отдела был убит командир Корниловского конного полка полковник Федоренко. Через 2-3 дня, его заместитель, войсковой старшина Каменский Всеволод заболел и эвакуировался. В полку остались только четыре кадровых офицера в чине подесаула - Черножуков Николай, Безладнов Владимир, автор этих строк и Смирнов Михаил. Все занимали должности командиров сотен. Перечислены в порядке старшинства в чине.

Черножуков отказался возглавить полк. Его принял Безладнов. 18-го сентября, во время прорыва 1-й Конной дивизии под начальством генерала Врангеля в тыл красным к станице Курганной - был убит полковой адъютант есаул Удовенко Василий Иванович. Как бывшего адъютанта 1-го Кавказского полка на Турецком фронте - Безладнов уговорил меня быть у него временно адъютантом. Согласился. И с ним, с полком, с боями прошли-пронесли по станциям - Михайловская, Курганная, Родниковская, Константиновская, Синюхинская, Чамлыкская, Урусская, Безскорбная - неразлучно, ночуя в одной комнате. Он оказался отличный офицер, дружественный полковой товарищ. Подружили крепко. В Безскорбной произошел спрометчивый случай с Безладновым и генерал Врангель предложил ему выехать "в безсрочный отпуск"... В Екатеринодаре он поступил в Учебный конный дивизион, а теперь стал командиром своего Корниловского полка, как первоисходник, и моим подчиненным. Он выпуска из Николаевского кавалерийского училища 1912-го года. Несмотря на это свое старшинство и своего бывшего начальства надо мною - он не выразил никакой амбиции, что так похвально к его воинской душе.

Перед накрытым столом на бурках стоят до сорока офицеров-Корниловцев. Все сплошь старые соратники. Все в больших чинах. Ниже есаула, кажется, никого и не было, хотя за очень малым исключением - большинство не имело и 30-ти лет от роду. Все это была молодежь тех времен, от 23-х лет и чуть старше. Тогда, при мне, это были только прапорщики, хорунжие и немногие солдаты. Чин подесаула был отменен в нашем Войске и сотники производились прямо в есаулы, больше за боевые отличия, а не "за выслугу лет на фронте".

И только что все сели "за стол" - как с восточной стороны, со стороны гор, на широких рысях подошел очень молодой полковник. Молодецки соскочил с седла - так же молодецки представился мне, словами доклада:

"Командир 2-го Сводно-Кубанского полка, полковник Лиманский - представляюсь"... Я его сразу узнал. Он не был одним из братьев Лиманских 1-го Лабинского полка Великой войны, как я думал.

В средних числах февраля 1917 года, проездом в Петроград из под Карса, я посетил Екатеринодар. В белой косматой папахе "с заломом", в черной черкеске при белом бешмете и с красным башлыком за плечами, разшитом позументом - мне отчеиливо отдал честь на Красной улице красивый прапорщик-брюнет. Теперь он полковник и стоит передо мною.

"Я Вас знаю", ответил ему на рапорт и сказал - где видел. "Как Ваше имя и отчество?" спрашиваю.

"Игнат Ильич" - отвечает. Я жму ему руку и мы сразу же подружили. Посадил его рядом.

Несутся тосты... Мы вновь стремимся воевать... Мы еще покажем красным свою мощь! - был общий гомес тостов. Нам всем очень приятно и вольготно, т.к. среди нас нет ни одного генерала, которые, невольно, всегда стесняют

подчиненных офицеров своим высоким чином.

"2-я Кубанская дивизия - два Лабинских, два Кубанских, Корниловский конный и мой 2-й Сводный - сильно осиротела после ош, езда генерала Бабиева, но, как-то, еще дружнее сплотились полки вместе!... И сплотились не в силу приказа, а сплотились душой, внутренним чувством, чувством однородности их начальников!... Дайте только равнину, да разверните полки в боевую колонну и - все ринутся в атаку!" - вскочив на ноги, говорит, кричит громко, молодой и молодецкий полковник Лиманский свой боевой тост. Ему соответствовали короткие тосты и других. Мы еще верили....

ВСТРЕЧА С ПОЛКОВНИКОМ ДЕЙНЕГА.

Со штабом дивизии, в одном переходе до Сочи - подхожу к подымающейся возвышенности в лесу. Нас застала ночь. Вернее - полкам приказано незаметно для красных - отступить ночью.

У узгиба шоссе тлеющий костерчик. Около него, вокруг, сидят и полулежат несколько человек, закутанных в бурки.

"Кто идет?" - слышу голос часового.

"2-я Кубанская дивизия" - отвечаю.

"Ого!... высоко забрался ты, Хвэдири!... Злась з коня і йды до командира Линейной бригады" - вдруг слышу я так знакомый мне голос полковника Лев Миньча Дейнеги.

"Левко?!... Это ты?" - радостно окликаю его.

"А вжэж"... отвечает он и не шевелится под буркой от холода.

Такая приятная встреча! Я слезаю с седла и подхожу к нему.

"Куда дальше?" - спрашиваю, конечно, о нашем отступлении.

"Тікать треба... Сочи мы не удержим... да и не к чему. Надо идти в Грузию, або в Крым", говорит он, но выхода не дает.

Перекинувшись такими печальными думами с дивным другом своих юнкерских лет - двинулся дальше. Он выпуска 1912 года. С тех пор я его больше не видел. В Крыму он стал генералом, этот, маленького роста казак, но с большой душой и светлой головой.

ОСТАВЛЕНИЕ СОЧИ...

Полки дивизии занимали горный массив, что перед Сочи с северной стороны и который командно стоял над всею окружающею местностью. И каково-же было наше удивление, когда приказано было сняться с позиций и без боя отойти от Сочи!

С этого массива видно было, как многия части, обозы, тихо, словно нехотя тянулись по улицам города, направляясь на юг.

С 1-м Лабинским полком, мимо гостиницы Ривьера - отходил последним, втянувшись в город. На удивление - на главной улице много народа. Жители спокойно смотрят на отходящих казаков. Полк задерживается в городе. Какой то "чин", предлагает мне забрать "интендантский хлеб", который хотя и не выпеченный полностью, но есть его можно. И он не хочет оставлять его красным. Казаки забирают все и тут-же, на улице, едят его. Он очень горячий, внутри еще сырой, но корка хороша. И казаки с жадностью едят его потому, что давно не имели хлеба. Почти все лавки открыты. Идет живая торговля. Открыто и кофейня тут-же и мы, офицеры, стоя с удовольствием пьем кофе. Войны, как-будто и нет. Все происходит по-мирному. О красных войсках не слышно и не видно их. И где они - мы не знаем.

Рядом стоит почта. Быстро вхожу и пишу открытку "домой", что мы "все четверо" - три брата и сестренка - живы и здоровы. Авось дойдет, думаю, и порадует бабушку и мать. Бедныя наши семьи, что остались по ту сторону!...

Как-бы там ни было, но в городе оставаться нельзя. Он лежит в котловине

И я отвожу свой арьергардный полк за город, к дачам, занимаю сотнями какие-то холмики и меж постоек, укрыто - два полевых орудия, и жду противника. Но он долго не показывается... Наконец вошел, но не с массива, нами занимавшего, а снизу, с долины, с северо-востока и - сразу показался на улице... Дав несколько орудийных выстрелов по долине, откуда появились красные - снял орудия и стал отходить на юг. Приказано город сдать без боя. Да и не стрелять же нам по мирным жителям!

Г Е Н Е Р А Л М О Р О З О В. ЕГО ШТАБ.

Перейдя жел.дор. мост, что в 4-х верстах южнее Сочи - встретил свои войска. Частями командовал генерал Морозов, которому представился и доложил боевую обстановку. Дивизии приказано быть в его временном подчинении.

А пока что - я рассматриваю генерала. Его я вижу впервые, и его штаб Морозов - средняго роста мужчина с черною густою не длинною бородою "лопаточкой". У него умные черные глаза, пожалуй, добрые, внимательные и "все видящие", что делается вокруг него. Он в гимнастерке с погонами, но поверх нея - кожаная тужурка без погон. На голове фуражка. Английские ботинки заправлены в хромовые сапоги. Думаю, ему было под 40 лет. Ничего в нем не было "исключительно генеральскаго", как мы привыкли видеть и подкупало простотою и ненапряжностью в обращении. Он офицер генеральнаго штаба.

Весь офицерский состав его штаба был не казачий. Со своим генералом, все они обращались, хотя, и на "Ваше Превосходительство", но так, словно он был для них старший друг.

"Ваше Превосходительство - я это уже сделал"...

"Ваше Превосходительство - а не лучше-ли сделать так?" - так приблизительно докладывали-говорили с ним его штабные штабс-капитаны и поручики.

Он все это фиксировал, но совсем не безразлично, а сразу-же, на-лету, схватывал их мысль, слова и утверждал словами: - "хорошо... сделайте... проверьте".

В нем не чувствовался "боевой генерал", а скорее ученый. На меня он произвел приятное впечатление. Его прежнюю службу в Императорской армии и в годы гражданской войны - я совершенно не знал.

"Идите, полковник, со своей дивизией в Мацесту, расположите свои части по Вашему усмотрению и идите моих распоряжений" - сказал генерал Морозов спокойно, словно в частном порядке, и отпустил ст. свья.

Мацеста находилась южнее большого села Хоста. В порядке очереди - Корниловский конный полк в пешем строю занял очень сильную позицию в глыбах и расчелинах валунов, покрытых кустарником. Для силы позиции - Корниловцам придал част пулеметов 1-го Дабинскаго полка. Все остальные полки раскинулись биваком в узких безлесых долинах севернее Адлера.

НА ПОЗИЦИИ У КОРНИЛОВЦЕВ. БЕЗЛАДНОВ, МАРКОВ, РОСТОВЦЕВ.

На второй день осматриваю арьергардные позиции Корниловскаго полка. Меня сопровождают три Войсковых Старшины - командир полка Безладнов, его помощник Марков и начальник пулеметной команды Ростовцев. Марков из учителей, а Ростовцев - подхорунжий из пластунов, кавалер полного банта Георгиевских кавалеров Великой войны - певец, храбрец и сквернословник в ругани, на что казаки, как я знал, не обижались на него. Любили за храбрость.

Позиция - совершенно неприступная. Это были отдельные крепостцы для

у Крестов

каждого пулемета. Все жерла пулеметов были направлены ко всем возможным походам красных. Было уже тепло и весь спешенный полк спал на своих позициях. У пулеметов на треногах - целые завалы камней глыб. Тут-же живут и спят пулеметчики, о чем говорят раскинутые у пулеметов бурки и кожуки. Я спросил Безладнова о настроении казаков.

"Да мы-же Корниловцы, Федор Иванович! Чего-же Вы нас спрашиваете?!" - как всегда гордо своим грубым голосом, ответил он, чисто по-дружески..

Но я его предупредил, что это есть "последняя позиция, которую оставлять нельзя".

"Да и не отдадим! Будьте уверены! Вы видели - сколько у нас пулеметов? Всех пересечем, ежели будут лезть!" - повышено отвечает он.

Поворачиваясь к Войсковому Старшине Ростовцеву, начальнику пулеметной команды, улыбаюсь и нарочно спрашиваю, испытывая его:

"Ну, а как Вы думаете, Ростовцев?... Возьмут эти позиции красные?" - при этом повел я голову по раскинутым его пулеметам.

И он, верный себе, горячий характером и признанный храбрец, по привычке, и совершенно не по-воински, со злостью - кивнув головой в сторону красных, произнес:

"Пушай только ползут!". и здесь употребил такое "матерное слово", которого я еще и не слышал... Этим он особенно резко выразил свое отношение к красным. Зная его еще по Маньчу весны 1919г., когда он был сотником и командиром сотни - я понял его, старого служаку и первоходника. Он казак станицы Пластуновской, или Платнировской Кавказского Отдела. Осмотрев позицию - со спокойной душой вернулся в свой штаб дивизии.

ШТАБ 2-й ДИВИЗИИ. ПОЛКОВНИК ГРИШИН.

Штаб дивизии расположился в лесу, на изолированной небогатой даче на пригорке. В ней жила одинокая хозяйка, старая барыня, которая никого не принимала у себя. Да нам было и не до приемов...

Со дня моего вступления в командование дивизией - я, как-то, редко видел штаб дивизии, детище генерала Бабиева. Мы все время передвигались. Со мною были только необходимые чины штаба без начальника штаба полковника Гришина. Здесь же у Мацесты - сгруппировался полностью весь штаб, т.к. "тыла", фактически - у нас не было. Сочи сдано. Идти дальше некуда. Адлер, как последний наш городок - переполнен другими и высшими штабами. Вот почему все и примкнули к своему штабу, или к своим полкам, которые увеличивались в своей численности по мере отхода их назад.

Что меня удивило, так это наличие при штабе дивизионной санитарной летучки, в которой было не менее десяти сестер милосердия. Раньше я их не видел, даже и не слышал о них, а теперь, вот - все они в наличии... Начальницей летучки была супруга полковника Гришина.

За обеденный стол сели все и... зашебетали. То-есть - я дождался того, чего не любил - нахождения сестер милосердия при полках.

Полковник Гришин, при властном и горячем генерале Бабиеве, выработал в работе с ним, видимо, определенный тон: послушание, почтительность, работу.

В эту должность он вступил на Маниче весной 1919 года, будучи штабс-капитаном, окончившим ускоренные курсы Академии генерального штаба во время Великой войны. Тогда я встречался с ним 2-3 раза, бывая в штабе дивизии. С Бабиевым он провел всю войну. Он много работал и докладывал мне то что сам уже изучал. Доклады были обобщенные. Чтн, ведь, уже ничего не делали? Писались приказы, делались распоряжения, вот и все. На меня он произвел впечатление скромного трудолюбивого штабного офицера. Одет он чисто, по-штабному, но без щегольства. Такова была и его супруга. Гришин всегда был занят бумагами и моими постоянными собеседниками были есаул Ишутин, глава всех чинов штаба и ротмистр Дейбль, офицер для поручений и личный друг генерала Бабиева. При ротмистре супруга, молодая, изящная брюнетка армянского, или цыганского типа с веселыми глазами.

~~«сестер милосердия»~~

Вечером, после ужина - весь цветник на площадке у дачи, у маленького костра. Все щебечут. Подсел и я. Мечты их всех - попасть в Крым. Постепенно "цветник" уменьшается, сестры расходятся спать. Осталась лишь Надюша и очень интересная, самая интересная, сестра милосердия - и лицом, и телосложением и интеллигентностью. Уж полночь, пора уж и спать, но она не идет. Надюша зевает и уходит. Мы остались вдвоем. Она безпокоится о генерале Бабиеве - как он там, в Крыму? Из этих ее слов, я понял, что он ей был приятен, и может быть родственником.

"Идемте, сестра, спать... я устал", говорю ей.

"А мне так приятно с Вами быть. Я впервые вижу молодого мужчину, который так вежлив и занимателен в разговоре. Вы знаете - какие мужчины теперь стали?... и как смотрят на нас, на сестер милосердия? Ну, идемте! Дайте мне руку... поднимите меня," проговорила она.

Я протянул ей руку. Она горячо схватила ее. "Живая близость" электрическим током прожгла меня, но - верен своему принципу - проводил ее до их общей спальни и вернулся в свою комнату.

Положение начальника дивизии обязывало быть "вне шалостей амура".

О П Я Т Ь В С В О Е М П О Л К У .

К обеду следующего дня, в штаб дивизии вернулся полковник Преображенский. Он был очень вялый и, какой-то, разочарованный, почти в прострации. Со мною он ни о чем не говорил и что-то долго, наедине, говорил с Гришиным. Так как он был старше меня в чине и был законным командиром бригады - я спросил его разрешения вернуться в полк, но что он ответил только "кивком головы".

1-й и 2-й Лабинские полки стояли в пологом ущельи, верстах в шести севернее Адлера. Отсюда начиналась довольно широкая безлесая лощина с пологими песчаными берегами к Черному морю. Уж появился маленький подножный корм для лошадей. Вся лощина была занята войсками, стоящим биваком. Наш полк разросся неимоверно. В нем было около 1.500 пашек, не считая пулеметной команды. Все Лабинцы-беженцы, бросив свои подводки, влились в свою бригаду. И у меня лично и у офицеров - была только радость от такого громоздского полка. Мы еще собирались воевать, пока же "идти в Грузию", а слух "о мире с красными" - был, просто, смешен.

В Ш Т А Б Е В О Й С К А . "ВОЕННЫЙ СОВЕТ" . . .

На второй день, после полудня, в своем экипажике, выехал в Адлер, в Штаб Войска - "узнать о положении и о Грузии".

Я в Адлере. В Штабе Войска много старших офицеров. Узнаю, что они были по вызову "На военный совет", куда приглашены командиры полков, батальонов, батарей и выше их стоящие начальники. Здесь я узнаю, что идут

переговоры с красными "о мире", почему и назначено военное собрание. И что с минуты на-минуту ждут возвращения с фронта начальника штаба Армии полковника Дрейлинга, который имеет свидание с представителями красных. Я говорю кому-то, что наш 2-й корпус ничего об этом не знает... Все это было так неожиданно для меня, что я решил зайти во внутрь здания и узнать "все доподлинно".

Подойдя к 2-х этажному зданию, которое занимает штаб нашего Войска, и не зная его расположение комнат - открыл дверь с восточной стороны, т.е. в то ростеренный вход и... наткнулся на гущу офицеров человек в сорок. Все они стояли у трех стен толпою и только за длинным столом, накрытым зеленым сукном и тянувшимся по меридиану с юга на север - сидели несколько генералов - два Донского Войска и выше них, рядом с председательским местом - сидел генерал Шифнер-Маркевич. Председательский стул и стул левее - были свободны.

Войдя - я "воткнулся" в самый левый фланг стоящих офицеров у стен, если смотреть с председательского стула. К моему удовольствию и успокоению - самыми крайними офицерами стояли - войсковой старшина Павел Мальцев, командир 2-го Хоперского полка и полковник Михаил Саломахин, командир 1-го Хоперского полка. Оба старые друзья. Мальцев, как младши меня в чине - сделал шаг вправо и уступил мне место рядом с Саломахинным.

Я рад этой встрече и шопотом спрашиваю - "что это"? Они больше меня в курсе событий, так как их полки стоят южнее Адлера.

"Вот скоро, официально, все узнаем" - отвечает мне шопотом Михаил Карпович Саломахин, старый друг по Майкопскому техническому училищу и боевой соратник "От Воронежа и до Кубани" в прошлом году.

Все или молчат или переговариваются только шопотом. Пока-же что - я рассматриваю собравшихся.

Главную персоною среди всех, являет, видимо, генерал Шифнер-Маркевич. Во всяком случае, все глаза устремлены к нему. Он молчит.

Рядом с ним сидит командир, или представитель 4-го Донского корпуса генерал-лейтенант Секретев. После Касторной в ноябре 1919г. я познакомился с ним в штабе нашего начальника дивизии Шифнер-Маркевича. Там же нам сказали Донские офицеры, что Секретев, в молодости, был большой наездник, вообще - он большой конник, добрый и кампанейский офицер, может "веселс" провести время и с офицерами и с казаками и которого, за глаза, любя - называют "Саша Секретев".

С ним рядом сидит другой Донской генерал - кряжистый, склонный к полноте, темный шатен, с густою прическою на голове и с "пунцовым лицом", видимо, после хорошаго обеда... Секретеву лет 55, а другому генералу - под 40.

Этому молодому Донскому генералу жарко и нетерпеливо. Донская шапка в кавказской серебряной оправе, будто, мешает ему. Он все время теребит ею и уж не раз спрашивает Секретева:

"Саша... скоро-ли все это начнется?"

Секретев отвечает ему тихо: - "скоро"... Но генерал не унимается. Он обводит всех стоящих у стен офицеров "уставшим" взглядом, отталкивает свою шапку ладонью от себя и громко говорит:

"А интересно повидать бы Кубанского Атамана... говорят, что он с очень извилистою душою"... Это было так четкр сказано и с такою безцеремонностью - как может сказать человек, находящийся "в угаре" и совершенно не отдающий отчет своим словам.

Генерал Секретев, быстро повернулся к своему другу-генералу, схватил его за руку и отечески заметил: - "Да тише ты!.. что ты говоришь?!.. Ты-же ни один здесь!... Здесь военный совет!"

"А мне все равно... вот мне и интересно повидать этого человека, который хочет сдать казаков большевикам"... вдруг "выпаливает" он также громко.

Секретев быстро ладонью закрывает ему рот и покраснел в лице от стыда. Но несдержанный молодой генерал, что то, мычит, и через пальцы Секретева произносит:

"Саха... тебя мы любим... но большевикам Донцы не сдадутся".

"Я уйду отсюда, если ты снажешь и еще хоть одно слово" - разстроено говорит ему генерал Секретев.

"Ну, хорошо... я замолчу" - уж тихо ответил он и, действительно, замолчал.

Так как тогда там происходили исключительно трагические часы гибели Кубанской армии - для Войсковой Истории, я должен зафиксировать многие моменты, слова, действия, психологическое состояние присутствовавших на том "военном совете" и свое личное наблюдение и переживание.

Теперь, в Нью-Йорке, приобрел интересную книгу, под заглавием "Русская Вандея", написанная генерал-майором Донского Войска Голубинцевым, чем подтверждаю, что это он был на том "военном совете", сидя рядом с генералом Секретевым. Он умер в апреле месяце сего 1963 года в Америке, на себере ея.

С фронта, с переговоров, прибыл полковник Дрейлинг. Он вначале явился к Атаману Букретову и потом, уже с ним, вошел к нам.

"Господа офицеры!" - скомандовал генерал Шифнер-Маркевич, при появлении Атамана. Кто сидел - встали. То, что скомандовал генерал-майор Шифнер-Маркевич, а не генерал-лейтенант Секретев - я понял, что старшим здесь является Ш-Маркевич.

Генерала Букретова, как нашего Войскового Атамана, я вижу впервые. В самом начале войны на Турецком фронте - 21 октября 1914 года, из Персии, с разездом казаков в 30 коней, ночью я прорвался мимо Балзета и связался со 2-й Кубанской пластуноской бригадой генерала Гулыги, наступавшего со стороны России. У меня был секретный пакет от начальника нашего Макинского отряда для генерала Гулыги. Здесь, последний, представил меня полковнику Букретову, начальнику его штаба бригады. Вот почему я внимательно стал рассматривать его здесь. Он почти и не переменялся внешностью. Он красив. В лице что-то восточное. Густые черные волосы на голове, чуть с проседью, гладко зачесаны на-право. Густые черные густые короткие усы. Он хорошо брит. Он в кителе, в бриджах и мягких сапогах. Вид очень чистый и аккуратный. Ничего "походного". Он без оружия. Пройдя скорым шагом мимо нас - уверенно занял председательское место.

Левее его сел полковник Дрейлинг. Он высокий, стройный, с рыжею подстриженою бородкой. Он очень грустный. Все мы молчали. Встал Атаман Букретов и коротко сказал следующее:

"Кубанская Армия находится в тяжелом положении... Случайно мы вошли в связь с красным командованием через генерала Морозова, предложившим нам мир. Для выяснения этого, мною был послан на фронт начальник Штаба Армии полковник Дрейлинг, который Вам вот и доложит все".

Сказал, показал жестом на полковника Дрейлинга и сел. Поднялся со стула Дрейлинг, так-же чисто и аккуратно одетый с аксельбантами генеральского штаба на кителе, почтительно поклонился Букретову, оперся пальцами рук на стол и, несмотря ни на кого, заговорил, вернее - он стал читать нам по бумаге "условия красного командования, на которых может быть заключен мир".

Так как эти условия многим известны по разным казачьим журналам - я их не буду приводить. Укажу только, что перечисленные условия, подписанные

начальником 34-й красной пехотной дивизии, действовавшей против нас, Егоровым и военным комиссаром дивизии Сутин - заканчивались ультимативно так:

"Срок мирных переговоров кончается 2-го мая сего года в 4 часа 15 минут. К означенному сроку Вам надлежит дать определенный ответ".

Дата и время подписи обозначено - 2-е мая 1920 года, 00 часа 40 минут

Все даты по новому стилю. Мы жили по старому. Значит, ультиматум кончался 19 апреля старого стиля, а собрание "военного совета" было накануне, 18-го

Слушали мы полковника Дрейлинга и не верили своим ушам, настолько все это было неожиданно и недопустимо для нас.

Прочитав - Дрейлинг дополнил, что - "При личных переговорах /у будки, за мостом, в 4-х верстах южнее Сочи/ - дано время для ответа ровно 24 часа" и добавил:

"О сдаче не может быть и речи. Наша цель - затянуть переговоры дня на 3, когда к нам придут транспорты из Крыма для погрузки, для переброски казачков туда". Он говорил грустным голосом, как и сам был очень грустный.

Атаман Букретов, во все время доклада Дрейлинга смотревший на свои пальцы рук, слегка игравшие по столу - обратился к члену Правительства Белашеву, только что вернувшегося из Гагры, где вел переговоры с Грузинским представительством - доложить "совету" - как обстоит дело с переходом Армии в Грузию?

Блондин лет 35-ти или 40-а, с приятным открытым лицом, в парусиновой гимнастерке подтянутой казачьим пояском - выдвинулся к столу из группы офицеров, стоявших против нас, очень волнуясь, доложил, что - "Грузинское Правительство наотрез отказалась пропустить казаков на свою территорию, боясь угрозы красных, которые предупредили, что - красная армия "на плечах казаков" войдет вслед в Грузию и... неизвестно где остановится".

Свой короткий доклад Белашев закончил словами: - "Положение безвыходное и над условиями красных - надо подумать".

Против Белашева, за столом, сидел какой-то очень полный генерал в серой черкеске и в пенсне, спиной к нам. Он резко, чисто по-военному, "наскоки" на докладчика, в очень повышенном тоне голоса, упрекая его, что он недостаточно энергично хлопотал перед грузинами. Белашев не смутился.

"Господин Атаман!... Я прошу Вас остановить генерала Сидоренко в его упреке и резкости против меня?... Генерал думает, что я есть есаул и его подчиненный по Пластунской бригаде?!... но я сейчас Член Кубанского Крестьянского Правительства!" Сказал и сделал шаг назад, чисто по-военному.

Генерал Букретов поднялся на ноги и вежливо попросил генерала Сидоренко успокоиться. Последний был в это время командиром Кубанского Войскового учебного пластунского батальона. Но Сидоренко не успокоился. Сидел на стуле, как-бы в ответ Букретову, он резко, громко подчеркнул: - "Сдаваться нельзя!". И что он лично-то - ни одному слову красных не верит... и с Армией не останется, а уедет в Крым?

Слова генерала Сидоренко призвели бодрее настроение, но все, почему-то, молчали. Это молчание нарушил Атаман Букретов. Он встал со стула и сказал:

"Господа! Мы на военном совете. Я прошу высказаться каждому о моральном состоянии своих частей и о том - что-же надо делать? Как полагается в таких случаях - я начну опрос с младших в чине". И он повел глазами по лицам и погонам офицеров. Самым младшим оказался Войсковой Старшина Павел Мальцев, стоявший на самом левом фланге, смотря от председательского места.

Атаман просил называть свой чин, фамилию и какой частью командует наряды.

В толпе собравшихся офицеров я знал только Мальцева, полковником Соламахина, Певнева Сергея и генералов - Секретева и Шифнер-Маркевича. Остальные мне не были знакомы. Все они были от частей находящихся или в самом Адлере или южнее его. От частей, находящихся на фронте, т.е. севернее Адлера - не было никого. Никого не было и от нашего 2-го Кубанского конного корпуса. Я попал сюда совершенно случайно.

Не лишнее знать мозговой багаж и стаж - служебный и боевой - кто говорил. Казаки Келермесской станицы Майкопского Отдела -

Мальцев окончил Оренбургское казачье училище младшим портупей-юнкером в 1911-м году, вместе с полковником Гамалий и Атаманом Семеновым. Во всем был примерный юнкер. Учился отлично и окончил училище со средним баллом в одиннадцать с половиной. Вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский полк. Войну провел во 2-м Екатеринодарском полку и в 1916-м году был уже есаулом, имея все боевые ордена, до Георгиевского оружия включительно. По этим данным видно, что воевал он отлично и по чину опередил своих сверстников. Первопоходник, но всю гражданскую войну провел в должности команданскаго адъютанта Екатеринодара. Он был умен и "реалист" в жизни. 2-й Хоперский полк он принял на Черноморском побережье. Он сказал:

"2-й Хоперский полк боеспособен. Сдаваться полк не захочет. И пойдет куда угодно. А если потребуется - может с боем идти и против грузин, прорвать их фронт, идти до Батума, где и грузиться в Крым". Сказал он хорошо, хотя и волнуясь. Стояла глубокая тишина.

"Хорошо. Кто следующий? Вы, полковник? Ваша фамилия и часть?" говорит Букретов, глядя на меня, стоявшего рядом с Мальцевым. Назвав свою фамилию и полк - продолжил:

"Но я скажу о настроении всей 2-й Кубанской дивизии, которую сдал старшему в чине только вчера. Я полностью присоединяюсь к словам Войскового Старшины Мальцева и заявляю, что казаки совершенно не хотят слушать о мире с красными и если надо - надо силой перейти Грузинскую границу, идти к Батуму и там грузиться в Крым".

"Хорошо. Кто следующий?" вновь спрашивает Атаман.

"Полковник Соламахин. Командир Хоперской бригады". И он, словно ему тепло в этой толпе и, будто, не хватает воздуха в груди, или, что-бы как можно крепче стать на обе ноги - он слегка задвигался из стороны в сторону своим туловищем в чересне и заговорил:

"Хоперские казаки никогда не согласятся признать советскую власть. Они возстали со своим генералом Шкуро еще весной 1918 года и были далеко от Воронежем. Ни о каких условиях не может быть и речи. Мы, шкуринцы, будем драться до конца. И если надо - будем бить и грузин, но только что бы уйти от красных и уехать в Крым".

Его останавливает Букретов при словах - "бить грузин" - чего говорить нельзя - поясняет он.

"Да нам все равно!" - оправдывается Соламахин - "если они не пускают нас добровольно!" - закончил он.

Соламахин окончил Елисаветградское казачье училище взводным портупей юнкером в 1911-м году и хорунжим вышел в 1-й Хоперский полк. В Персии, в войне против турок, в 1915 году, будучи сотником и командиром сотни за конную атаку награжден офицерским Георгиевским крестом. Во время войны

окончил в Петрограде ускоренные курсы Академии генерального штаба. Сопратник Шкуроот Кавказа и за Воронеж, и обратно до Кубани, в должности командира полка. Боевой офицер. Его слова были вески. Он казак станицы Некрасовской, Майкопского Отдела.

Фамилии других я не помню, но все высказались так, как и мы. Высказал это же и командир Войсковой учебной батареи, полковник Сергей Иванович Певнев, которого я знал еще сотником по Турецкому фронду. Это был умный и блестящий офицер Кубанского Войска.

Высказались все и высказались однородно. Атаман Букретов все время молчал, не перебивая никого. Мне показалось, что все это ему не нравится. Я это чувствовал внутренним чувством. Да и почему он не смотрит в глаза говорившим, а смотрел только на стол, на свои пальцы рук?

В особенности подозрительным мне показалось его обращение к генералу Шифнер-Маркевича, который должен сказать свое слово "последним".

"Ну, а Вы генерал - что скажете?" - так обратился он к нему, чем дал понять нам всем, дескать: - "послушайте самого умного среди нас... самого популярного среди Вас".

Наступила глубокая тишина. Все невольно вперились глазами в Маркевича, который, во все ответы спрашивавших - сидел молча, как-то сторбизшись в стуле, глядя только перед собою, видимо что-то обдумывал и волновался в душе.

"Позвольте мне говорить сидя?" - обратился он к Атаману.

"Пожалуйста, пожалуйста, генерал!" - быстро ответил Букретов.

Впротивовес своему обыкновению говорить быстро, порою глотая слова и замкаясь - генерал Шифнер-Маркевич теперь, с напряженным спокойствием, четко произнося каждое слово, коротко и определенно произнес, ни к кому лично не обращаясь:

"Крым так же скоро должен пасть. Крым будет гораздо худшей ловушкой, чем мы, находящиеся здесь. К ним, кто в Крыму, условия сдачи, паче чаяния, условия сдачи пред, явятся более строгие, чем к нам. Там уже не все спокойно. Там, от лица офицеров, выступил капитан Орлов против Главного командования. Уголь для транспорта наисходе"... И вдруг, повернув лицо к полковнику Содамахину и смотря на него - продолжил:

"И ты, Миша, глубоко заблуждаешься, зовя всех продолжать войну. Твои я чувства понимаю и ценю - но ты не все видишь!.."

И вновь обращаясь ко всем, и ни на кого не глядя - продолжал: -

"Война окончена. Надо ясно сознать, что мы побеждены. Денег и снарядов нет. Союзники колеблются в поддержке нас. Вести десятки тысяч людей в неизвестность - нельзя. Наш священный долг старших начальников - как можно более безболезненно, безкровно, спасти людей, не считаясь ни с чем. И по моему, глубоко продуманному убеждению, Ваше Превосходительство /он встал и уж обратился к Атаману Букретову/, наилучший исход - НАДО КАПИТУЛИРОВАТЬ АРМИЮ".

Сказав это, словно изрыгнув непререкаемую истину - он тяжело опустился на свой стул и, достав из кармана носовой платок, вытер пот на лбу.

Подобное заявление столь авторитетного генерала, любимого всеми, храбрейшего, умного и очень доброго человека в жизни - громом поразили нас.

Все сразу загомонели. Всем сразу стало, как-то, не по себе. Мне показалось, что вопрос "о мире с красными" был уже предрешен в кулуарах главных генералов, вот почему "последнее слово" было предоставлено самому авторитетному генералу Шифнер-Маркевичу.

Гомон протеста был настолько силен, что Атаман Букретов просил "остановиться" и обратился к своему начальнику штаба Армии, к полковнику Дрейлингу - повторить сущность переговоров с красными, его личное впечатление и - что делать дальше?

Дрейлинг встал. Скорбным голосом на скорбном лице, он заявил: - "Цель переговоров - выиграть время, пока придут транспорты из Крыма. На это потребуется два-три дня, не больше. Красные, конечно, остались ими же... Верить им много нельзя. Он, полковник Дрейлинг, в переговорах исполняет только техническую роль. Я сам красным не верю. Их условия для меня неподходящи. Я ни за что не останусь здесь и уеду персонально в Грузию или в Крым" - закончил он.

Эти слова, видимо, немного смутили Атамана Букретова. Но Дрейлинг подчеркнул, что Армия воевать уже неспособна и надо искать какой-то выход.

Как-бы в ответ на эти слова - Букретов встал, принял гордую позу и с пафосом заявил:

"Если придется сдаваться всем, то я, как Войсковой Атаман и Командующий Армией - для блага Кубанского Войска - я на автомобиле выеду впереди всех войск и первым-же сдамся своим бывшим врагам".

Это нас очень многих удивило, как и показалось - искусственным пафосом. Вновь загомонили кругом. А генерал Сидоренко, резко спрашивает Букретова, не вставая со стула:-

"Каково-же решение Войскового Совета?!"... Вместо Атамана, отвечает Шифнер-Маркевич, теперь ставший на ноги. Он подчеркивает, что: - "Война окончена! Губить людей нельзя. Казаки народ простой. Они земледельцы, т.е. - те же крестьяне и к ним красная власть особых репрессий не предпримет. К тому-же, как простые люди - пафос Велсой Идеи им мало понятен. Офицеры-же могут уезжать самостоятельно. На пароходе "Бештау" место им найдется. Время не терпит. И если мы сегодня-же не дадим положительного ответа - красные перейдут в наступление. Прольется ненужная кровь, а результаты будут все те-же, даже худшие. Мое мнение окончательное и категорическое - СДАВАТЬСЯ!"

Сказал и сел. Наступила жуткая тишина. Встал Атаман Букретов и вдруг заявил:

"Ну, господа, делать нечего... Мы сдаемся. И Ваша обязанность теперь - ехать по своим частям, объявить это и уговорить казаков сдаваться". Это были буквальные его слова. И закончил:

"Считаю заседание Войскового Совета закрытым". И не ожидая нашего ухода - он скешно прошел мимо нас в свою спальню-кабинет на втором этаже.

Протокола не писалось. Все закончилось под вечер, думаю, часам к 4-м пополудни. Все шумно стали выходить из помещения громко говоря и, как-бы не зная - что-же дальше делать?

Разстроенный - я не хочу ехать домой и "ведать" своему 1-му Лабинскому полку столь жуткую новость. Поднимаюсь вверх и иду лично к Атаману Букретову. Он удивленно принимает меня и спрашивает: -

"Что-же Вы еще хотите, полковник?!... совет ведь решил сдаваться"...

"Будут-ли места для гг. офицеров на "Бештау", кто не хочет сдаваться?" спрашиваю. Я решаю спасти хоть офицеров.

Видимо, что-бы избавиться от меня - он просит прибыть завтра, т.е. "сегодня некогда" и у него масса дел.

Мне не верится, что может быть "сдача Армии". Это слишком чудовишно.

Я не верю, что может быть "именно так". Я хочу убедиться лично, почему тут-же, из Адлера - звоню на фронт генералу Морозову, коему со 2-й дивизией был временно подчинен, после сдачи Сочи 15 апреля. К телефону подошел Морозов. Я назвал себя.

"Да, теперь я Вас помню. Что Вы хотите полковник?" - спрашивает он.

Как самого активного участника переговоров с красными - я спросил его:-

"Так-ли это? И - что-же делать нам, офицерам?"

"Оставаться со своими казаками до конца. И никуда не уезжать от своих частей. Иначе-же - пострадают Ваши-же казаки из-за своих офицеров, т.к. отезд офицеров будет учтен красными как нарушение условий мира" - был его категорический ответ.

На "военном совете", ввиду его сумбужности, и "предназначенного решения", как мы поняли, Атамана Букретова и генерала Шифнер-Маркевича - вопрос о полковых Штандартов и Знамен и Знамен Пластунских баталионов - не поднялся - "что с ним делать?" Здесь-же, в разговоре по телефону с Морозовым, когда вопрос о капитуляции Армии подтвержден был им категорически - мысли бегут быстро. Вспомнил о Знаменах.

"Как быть со Знаменами, Ваше Превосходительство?" - рублю ему.

"Знамена должны остаться при частях! Вот и все, что я должен Вам ответить, полковник" - закончил он.

Затуманилась моя головушка... Што делать!... что делать! - кружит голову мысль. Как-же ехать в полк и сообщить ему всю эту жуткую действительность?!... как ее сказать?... как ее приподнести своему храброму 1-му Лабинскому полку?... Но ехать надо... и сказать надо! - Так, ведь, приказано....

Телефонограммой передаю полковнику Ткаченко - построить полк в резервную колону со всеми офицерами, куда прибуду минут через 45. До полка около шести верст.

Адлер уже опустел от офицеров, бывших на совете. Все раз, ехались по своим частям. Я все еще боюсь "оторваться" от центра Армии, где так неожиданно и ужасно предрешено. Но ехать надо. Сажусь в свой экипаж и тихо выезжаю. Главная дорога из городка идет, пока, прямо на восток. С этими тяжелыми мыслями, словно полупьяный, глубоко вдавившись в кузов - сию я.

"Господин полковник!... генерал Шифнер-Маркевич!" - вдруг выводит меня из полузабытья казак-кучер.

Я быстро высовываюсь головою в сторону и вижу генерала на велосипеде, идущаго мне навстречу. На-ходу соскочив с экипажина - преградил ему дорогу. Вид его был необыкновенный. Он в той-же серой черкеске, в которой был на военном совете; полы ея подвернуты за пояс; он весь в пыли, в поту, в пенсне...

"А-а!... Елисейев?" - говорит он, остановившись, но не слезая с сиденья.

"Откуда Вы в таком виде, Ваше Превосходительство?" - задаю вопрос пылко.

"Фу-т-ты!... Только что уговаривал Линейную бригаду сдаваться!.. Не хотят казаки... боятся! Но, кажется, уговорил" - говорит он быстро и заикаясь.

"Неужели все это правда, Ваше Превосходительство?... Неужели нам надо сдаваться?... Неужели нет выхода?... и мы уже не можем сопротивляться?" - с безконечной грустью и в полной своей беспомощности - спрашиваю его.

"И.. и.. д-думать нельзя! Конец! Мы побеждены!.. Крым ловушка. Им оттуда не уйти. Мы гораздо в лучшем положении чем они. Да они им и не пред,явят

мира!... а просто - раздавят их. И они не уйдут. Для пароходов - угля нет" - выпалил он мне быстро, чуть заикаясь. И, при этом, сняв папаху, стал вытирать пот, обильно выступивший у него по всей голове от велосипедной езды.

Возможное и скорое падения Крыма и уничтожение там Армии - подействовало на меня потрясающе. Хватаюсь "за соломинку" - спрашиваю:

"Но как-же быть офицерам? В особенности старшим?"

"Вам... оставаться с казаками и никуда не уходить" - в тон генералу Морозову, словно уговорились заранее, отвечает он. Мое сердце померкло от этих слов...

"А Вы, Ваше Превосходительство - остаетесь?" - хватаюсь за следующую "соломинку", что бы, уж ежели погибать - так погибать вместе.

"Душа моя здесь, с казаками... но разум говорит - надо уезжать"... улыбается он через пенсне и добавляет:

"Я знаю, что меня красные не помилюют и повесят из-за генерала Шкуро... Я уеду один" - закончил он. Мы разстались. Больше я его не видел. Он умер в лагерях на острове Лемнос в 1921-м году. Ему не было и 40-а лет от рождения.

ЖУТКИЯ МИНУТЫ В ПОЛКУ. . . .

Громадный четырехугольник резервной колонны 1-го Лабинского полка в одну тысячу пятьсот казаков служил тем "заколдованным кругом", куда нас завели вожди... и перед которым я должен был отдать полный отчет - что скажу?..

Полковым маршем встретил меня храбрый полк и, как оказалось, в последний раз...

Уже смеркалось. Это было хорошо, что-бы не видеть их лиц. Остановил хор трубачей тогда, когда дошел до середины каре. Поздоровался. Напряженные души казаков ответили дружно, громко, словно бодря себя. Они уже знали откуда-то "о решении войскового совета"... и вот теперь, они хотят услышать это от своего командира полка, в надежде, что - "это не так"...

В гробовой тишине этого сгученано строя сердец, казавшегося "переставших и дышать" - я коротко поведал что произошло на военном совете и к чему зовет их Вийсковой Атаман генерал Букретов.

"Приказано оставаться... отступать дальше некуда"... Сказал и... молчу. И не знаю - что-же мне дальше говорить, что делать? Молчит и весь полк. И все так тихо кругом, что - стало страшно на душе.

Надо распустить полк по биваку и идти к себе - ясно знаю я и не могу этого исполнить. Не идут эти слова на язык, словно, не все еще сказал, словно - не все еще окончено. И казаки знают это. Я, ведь, сказал им только голые слова!... А как поступить дальше, что им делать? - еще не сказано. Я, даже, не знаю их затаенных мыслей - как все они смотрят на это? И что-бы закончить эти трагические минуты - в муках своей души - бросаю в их густые ряды фразу:

"Ну, так-как-же, братьцы?... оставмся?"

Тишина заглушила мои слова. Стало еще страшнее на душе. Все молчат. Молчат и офицеры. И после долгой смертельной паузы - вдруг раздалось два заглушенных голоса из задних взводов 2-й и 5-й сотен:

"А Вы - останетесь с нами?"

Что это? - упрек?... просьба?... желание?... испытание своего командира в преданности и любви к полку? - пронеслось в голове. Дескать - умел водить в конные атаки, а вот теперь - как и куда нас поведешь?!

Должен подчеркнуть, что когда наш корпус спешно отошел из Ставрополь-

ской губернии и расквартировался в станице Кавказской - в полках среди казаков и жителей муссировался слух, кем-то пущенный, что: - "Офицеры доведут казаков до моря, а там погрузятся на пароходы, уедут за границу, а казаков бросят".

Слухи были настолько сильны, что командир корпуса, генерал Науменко, приказал сказать в сотнях, что: - "Офицеры никогда не бросят своих казаков и, что, если потребуется - разделят с ними судьбу полностью".

Это не только что было сказано во всех полках корпуса, но и при случае подчеркивалось нами везде казакам, что "офицеры их не бросят". И вот, он настал этот роковой час - неимоверно тяжелый, самый страшный и исключительно ответственный, а для меня в особенности.

Я почувствовал всю ответственность тех слов, которые я скажу вот сейчас.

Как иногда бывало перед боем - холодная капля животного страха появилась у меня в шейном позвонке и постепенно скользнула вниз по позвонку - дошла до седалищного нерва и там растворилась. С этого момента - чувство страха у меня проходило. Произошло это и теперь. И когда этот процесс "животного страха" /а теперь духовный/ прошел - не громко, но внятно, над грохобовою тишиною полторы тысячи казачьих сердец, что бы все слышали - произнес:

О С Т А Н У С Ь

Показалось-ли мне, или это было на самом деле, но - по полку пронесся облегченный вздох.

"А теперь - разойдитесь, братцы! Господа офицеры - пожалуйста ко мне в комнату!" - уж облегченно произнес и, молча, двинулся на пригород, где стоял домик штаба полка.

Этим ответом я решил свою личную судьбу, но почувствовал что - что-то оборвалось в моем существе и прекратило жить....

Полковник Елисеев.

Написано в Индокитае в 1941-м году и сокращенно издано в Нью-Йорке в сентябре 1963 года.

РЕЙД СОТНИКА ГАМАЛИЯ В МЕСОПОТАМИЮ В 1916 г. - Второе Издание

Цена - 1 доллар.
